

ЮРИЙ НИКИТИН

ВЕЛИКИЙ МАГ

Юрий Александрович Никитин

Великий маг

Серия «Странные романы»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127953
Великий маг: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22712-9*

Аннотация

Информационные конфликты разрастаются в жестокие информационные войны. Пишущим присваивают звания сержантов, продвинутым – от лейтенанта до полковника, а опытные писатели – уже генералы. Те же, кто в топ-листе становятся маршалами, руководят самыми массовыми войнами, что охватывают не какое-нибудь село Бородино, а всю планету.

Но и эти войны меркнут, когда в мир приходит еще более разрушительное оружие!

Содержание

Предисловие	4
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	59
Глава 5	72
Глава 6	86
Глава 7	108
Глава 8	127
Глава 9	142
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Юрий Никитин

Великий маг

Предисловие

Прочесть обязательно!

С конца шестидесятых я собирал литературные приемы, а через тридцать лет издал в книге «Как стать писателем». Всего двадцать пять тысяч слов, в обложке, только для людей пишущих. Правда, интерес проявили весьма и весьма, пошли заявки из дальних городов, просили переиздать с примерами.

Наконец я сдался и дал «с примерами»: изложил в форме художественного романа. Роман назывался «Великий маг». Но опять же некоторые товарищи, а они все-таки товарищи, хоть и бурчат, выражали недовольство, что серьезную книгу, по сути – учебник, разбавил стрельбой и бабами. Хотя стрельбы как раз и не было, но бабы (одна шт.!) все-таки есть, признаю.

И вот по истечении ряда лет, внемля суровой критике и настойчивым пожеланиям, разделяю «Великого мага» на две книги: в одну вошел учебник «Как стать писателем», теперь

это толстая книга с примерами, в другой собственно «Великий маг». В последней осталось то, что было в первом варианте помимо лекций, а также добавлено то, в чем меня любят упрекать критики: море крови, трупов, вывалившиеся кишки, стреляющие из обеих рук красотки, жестокость и насилие, ну почти «Гамлет», только крови и трупов все же меньше.

Словом, этот «Великий маг» не тот «Великий маг», я объяснил понятно? :—)

Для плохо понимающих я попросил художника нарисовать другую обложку. Все, не говорите, что не предупредил! И, кстати, прочтите предисловия ко всем моим книгам. Там есть ответы на вопросы, которые задаете часто по емэйлу или в Корчме по адресу: <http://nikitin.wm.ru>.

Юрий Никитин
Великий маг

Часть I

Глава 1

Из ворот замка во главе конного отряда выехал высокий рыцарь на покрытом белой попоной могучем жеребце. Они добрались до подъемного моста, тот медленно опустился на другую сторону рва, рыцари двинулись по толстому дощатому настилу... Я выругался, ткнул в горячую клавишу реверса. Рыцари, не разворачиваясь, задом отправились обратно, втянулись в каменную громаду, решетка ворот опустилась.

Я тряхнул головой, оглянулся на плиту. Джебза горделиво вскинула ручку вверх и чуть в сторону, будто застыла в танце. Приглашает, значит. Стоит поднять зад от стула, начнется привычный ритуал приготовления кофе, лучшего из напитков... Нет, кофе уже из ушей, а работа как примерзла к полу, зараза. Нет, конечно, ползет, но со скоростью эстонской улитки.

Пальцы торопливо прошлись по клавише. Решетка начала подниматься с неприятным скрипом, рыцари выехали тесной группкой. Передний остановил коня перед задраным мостом, в раздражении повернулся в седле. Мост пошел вниз, цепи лязгали, скрипели. Всадник в нетерпении двинул коня вперед, остальные тесной группкой понеслись следом.

Что-то не то, мелькнула мысль, не надо было вчера перебирать пива у родителей. Голова тяжелая, эти рыцари похожи на современных тупых каскадеров, а ведь это дворяне, даже выше, чем дворяне, это... это рыцари!

Реверс, кони послушно пошли задом и втянулись в замок. Я добавил бликов по выпуклому железу, чуть укрупнил фигуру переднего, во главе ранних королевств обычно самые сильные и свирепые воины, знатность рода еще не в счет, на коне перекрасил попону в пурпурную, заменил плюмаж на шлеме.

Решетка поднялась с натужным скрипом. Рыцари выехали, решетка с облегчением рухнула обратно, всадила с глухим стуком острые зубья в землю на глубину ладони. Утреннее солнце тускло блестит на металлических шлемах и выпуклых доспехах. Рыцари едут спокойно, уверенные в своих силах, только двое задних, явно самые молодые, смотрят по сторонам радостно и возбужденно.

Мост опустился с лязгом, цепи провисли, позванивая. Тяжелый рыцарский конь двинулся неторопливо, толстые доски... стоп-стоп, быстро добавить стук копыт, не может же такой коняга ступать бесшумно... ага, успел, не надо сцену переигрывать снова, все путем, перетопали на другую сторону рва, главный рыцарь вскинул руку и указал в сторону темнеющего леса. Нет, не просто указал, а властно указал, это вот таким движением...

Так, здесь скачку на десять секунд, а потом диалог, не мо-

гут же две страницы без диалога... тьфу, теперь же меряется не в страницах, но все равно, даже имя лучше всего узнавать в диалогах, разговорах, как бы вскользь, ни в коем случае авторским текстом, это удел новичков.

Кони медленной рысью, утренний ветерок развеивает плюмажи на шлемах, на копьях трепещут крохотные флажки... Стоп-стоп, откуда флажки, у рыцарей и копий не было, из замка выехали просто всадники: мечи в ножнах, щиты за спинами...

Чертыхаясь, я загнал рыцарей обратно. Заскрипела решетка, поднялась, первый рыцарь держит длинное копье горизонтально, чтобы не царапать каменный свод, но едва миновал решетку, красиво вскинул острием кверху, поставил тупым концом в особое углубление в седле, в руке такое копье долго не удержишь... Конь заржал, нетерпеливо ударил копытом. Мост со звоном цепей опустился, на той стороне рва ударил в серое бревно опоры с такой силой, что брызнула гнилая вода. Черт, пока что нет ни программ, ни железа, чтобы передавали запахи, так что пусть рыцарь лишь коротко поморщится, а мы, читателезрители, поймем, что он ощутил дурной затхлый запах. Надо только сделать рыцарю лицо выразительнее, а забрало держать поднятым.

С копьем только один, так эффектнее. Много – еще не значит хорошо. Остальные пусть с мечами на поясах... нет, одному меч за спину, огромный меч, рукоять над плечом чуть не на полметра. Это будет варвар... ну, наполовину

оцивилизованный варвар, огромный, могучий, свирепый, но благородный внутри. Глубоко внутри, очень глубоко, чтобы докапывания хватило до конца видеоромана. Еще в группу надо толстяка, жизнерадостного и красномордого, а также бледного юношу, чистого и восторженного... можно даже намекнуть, что бедные родители дали ему крестик и рассказали, что на самом деле он не их сын, а однажды ночью явился раненый всадник и передал им завернутого в очень богатые пеленки младенца... Еще бы в отряд гнома и эльфа... Нет, на фиг. Осточертели, у каждого начинающего придурка в группе обязательно один гном и один эльф. Разве что колдуна взять для колорита, но благородные рыцари не признают магии, это подлые способы ведения войны, нечестивые... гм... С другой стороны, любое нарушение или незнание можно списать на то, что это происходит в альтернативной вселенной, там все по-иному...

Всобачить амазонку, что ли, мелькнула мысль. Хоть и не было их в эпоху рыцарства, но опять же можно списать на альтернативность, туда любую дурь можно. С другой стороны – теперь с этой эмансипацией шагу не ступить от этих прыгающих, стреляющих с обеих рук ларисок, рубящих, душащих, умеющих ногой с двойного поворота в челюсть... Нет, я же не из стада, потому и на вершине топ-листа, сам не повторяюсь и тем более других не повторяю. Нет, бабы пусть знают свое место. И хрен с ним, что потеряю часть женской аудитории. Лучше потеряю, чем пойду на их поводке.

Рыцари, перезнакомившись, проскакали через лес, напугав работающих там крестьян, долго неслись по ровной дороге на юг, к обеду завидели незнакомый замок и направили к нему коней. Я поглядывал на джеззу, губы пересохли, надо сделать перерывчик, и черт с ними, рыцарскими конями, что на самом деле могут скакать не больше сотни метров, чего обычно хватает, чтобы проломить оборону врага, у меня несутся полным галопом уже несколько часов, даже не запарились, ведь читатели привыкли к современным скоростям автомобилей и поездов, им скрупулезные исторические точности только испортят удовольствие... древний мир должен быть таким, каким его представляют, а не каким был на самом деле.

Та-а-ак, вон впереди показался неизвестный замок, здесь для динамики сюжета дам первую стычку... а пока что сделаю кофе и подумаю, как покруче завернуть сюжет, чтобы тугой пружиной разворачивался до самого конца, а потом хр-р-рясь – дабл твист, совсем не тот конец, что ожидает читателезритель!

Звякнул телефон. Из-под стола донеслось недовольное ворчание, мой Барбос не любит звонков. Я бросил, не отрываясь от клавиш:

– Голос!

Барбос смолчал, а телефон, как выдрессированный пес, сразу же подал голос громко и четко. Только вместо грубого «гав» я услышал красивый женский:

– Это вы давали объявление о литагенте?

Я поколебался, был у меня такой миг, когда поддался слабости, забросил сдуру такой постинг в Инет, а там появляется мгновенно, едва щелкнешь курсором, теперь же как-то неловко за нелепую мысль.

– Ага, – ответил я вынужденно, – было такое.

– Пару недель тому, – прозвучал ее голос. – Я оставила работу в юридической фирме. А до этого работала редактором. Мне кажется, я могла бы попытаться.

Я осторожно встал, пересел к столику с телефоном. Взял трубку, приглушив звук, так лучше слышны оттенки голоса собеседника, тембр, даже дыхание.

– Э-э, – сказал я, – э-э... ну тогда попытайтесь. Вы где?

– В Центре, – донесся ее голос. – На пересечении Садового кольца и Баррикадной.

– Ага, – сказал я, – Там по одну сторону улицы метро «Баррикадная», а по другую – «Краснопресненская». Ныряйте в метро...

Она прервала с легким смешком:

– Вряд ли моя машина пролезет через турникет. Да и по эскалатору растрясет...

– Ага, – сказал я с неловкостью, – простите, тогда вам проще записать мой адрес... Когда сможете?

– Да прямо сейчас, – ответила она. – Как вы на это смотрите?

– Да, – промямлил я, – да, конечно...

Адрес я диктовал, тупо глядя в большой дисплей, тридцать восемь дюймов с зерном в ноль-ноль-девять, где очень красочно застыли пирующие в корчме рыцари. Ладно, пусть пируют, это придает чувственность сценам, сопереживаемость, читатели это любят. Но что-то следующий шаг не стучится в извилины. Эта литагент... черт, почему воображение рисует женщину с изумительной чувственной фигурой, пышными волосами и весьма готовую к сексуальным контактам?

Идиот, хорошо ведь знаю, что на киностудиях переводят на русский и озвучивают голливудских кинодив серые невзрачные мыши! А работник издательства ну просто не может быть красивым, я их навидался за свою жизнь, это вообще не женщины, а просто собеседники. Обычно эрудированные, но раздраженные, даже желчные.

На градуснике за окном плюс тридцать пять. Полчаса назад вообще было за пятьдесят, но сейчас солнце ушло за дом напротив, термометр показывает только то, что и должен: температуру воздуха. Зато второй термометр, комнатный, с гордостью остановил красный столбик на отметке в двадцать четыре. У меня, к счастью, очень неплохой кондишен. Думаю, он себя окупил, в жару я бы не вылезал из ванной.

Из моего окна дорогу видно до самого начала, там темнеет памятник Ушакову. Я поймал себя на том, что начал поглядывать на подъезжающие автомобили, стараясь угадать,

на каком приедет эта женщина. Дорога малолюдная, на всем огромном отрезке, насколько хватает глаз, разом не больше двух-трех, и я успел подумать и на раздолбанные «Москвичи», и на всевозможные «Лады», и даже на крутые «Мерсы» и джипы с затемненными стеклами, но когда вдали показался серебристый «Опель», сердце стукнуло и сказала: все фигня, вот здесь она, точно.

«Опель» едва не проехал мимо, но в последний момент притормозил, круто свернул. Я с замиранием сердца наблюдал, как он в нерешительности подъезжает к дому. Похоже, водитель присматривается к номеру подъезда, а их пишут всегда почему-то очень мелко.

Ага, припарковался, дверца водителя приоткрылась, оттуда выдвинулась голая нога. Очень длинная, даже отсюда видно, что форма изумительная... Огненным цветком огромная копна волос, из машины встала молодая и очень эффектная женщина, почти раздетая, то есть в крохотных оранжевых шортиках и в так называемом топе. Раньше, как я понимаю, это называлось просто лифчиком. Топ насыщенного красного цвета, а женщина вообще дочь Монтесумы – краснокожая от плотного морского загара.

Она сделала характерный жест брелком с ключами. Дверцы захлопнулись, система сигнализации приняла команду, а длинные ноги красиво и чувственно понесли женщину к подъезду. Неспешно, несуетливо, как на подиуме, давая возможность окружающему миру оценить ее, жемчужину.

Я сделал шажок от окна. Сзади оскорблено взвизгнул Барбос.

– Извини, – сказал я искренне. – На лапу?.. Но тебе нечего глазеть на баб-с.

Барбос отступил, смотрел на меня обвиняюще. Я развел руками.

– Это не долго, – сказал я ему. – Щас поговорим, не сойдемся, она уйдет. Что я за дурак, не было литагента – плохо жили? А что делать с молодой красивой дурой, у которой даже автомобиль лучше, чем у меня?

Я оглядел себя, вытер о бедра потные ладони. В этот момент звякнул домофон. Я выждал несколько секунд, нельзя же показать, что дежурю возле, снял трубку.

– Алло?

– Здравствуйте, – донесся тот же мягкий зовущий голос, – меня зовут Кристина, я – литагент.

– Открываю, – ответил я обреченно и нажал кнопку.

Я стоял у двери и смотрел в глазок. Двери лифта открылись, она ступила на шаг вперед, быстро пробежала взглядам по номерам квартир, пошла к моей двери. Я отошел на цыпочках, дождался звонка, но все равно вздрогнул, крикнул «Иду!» и пошел обратно, громко топая.

Замок щелкнул, я отворил дверь и на мгновение застыл, не находя слов. Эта женщина еще красивее, чем рассмотрел с балкона, в самом деле красива, вызывая и напористо, но

как-то нехорошо красива, чересчур. Такими изображают в кино любовниц миллионеров, хищных и беспринципных. Да что там изображают, я сам всегда беру именно такие штампованные образы и всобачиваю их либо в подруги злодеев, самых главных, ессно, либо, идя навстречу пожеланиям феминисток, делаю ее главной героиней, понятно, руководительницей какого-нибудь преступного синдиката.

— Здравствуйте, — сказал я наконец, — проходите, пожалуйста. Вот уж не думал, что литагенты могут быть такими... красивыми.

Барбос стоял, загораживая проход. Женщина спокойно шагнула в прихожую. Ее тонкие пальцы легко коснулись его лобастой головы, а крупные серые глаза изучающе пробежались по моему стандартному лицу. Зато ее лицо безукоризненно, такое совершенство можно получить только в самой дорогой клинике пластической хирургии. Гордая приподнятость скул, легкая надменность в глазах, что странно уживается с теплотой и участием, словно герцогиня изволила посетить госпиталь с ранеными солдатами, тонкий чувственный нос, красиво очерченные чувственные губы, изысканный чувственный подбородок, длинная чувственная шея...

Черт, да у нее все чувственное, сверхчувственное, а ниже ее шеи глаза опускать я и вовсе не решаюсь, ибо ее грудь начинается почти от ключиц, это все торчит, как два холма, прикрыто какой-то легкомысленной ленточкой, перерезая эти полушария строго посередине, а сами... э-э... холмы

видны как выше, так и ниже этой ленты-топа.

– Как у вас прохладно, – произнесла она с чувством, – а на улице такая жара... Ваша милая собачка не страдает?

– Все страдаем, – промямлил я. – Я тоже... э-э... собачка. Ее губы слегка дрогнули в улыбке.

– Да-да, – сказала она легко, – вы тоже достаточно... милый.

Рекордная жара уже неделю, все верно, молодые женщины кто в чем, я уже видел и вовсе обнаженных до пояса на улицах города. Топлес, так сказать. Мужчины разделись еще раньше, две трети в шортах, а половина вообще отказались от рубашек, трясут голыми потными животиками на улицах, в магазине, в транспорте. Сейчас можно, не стыдно, мол, принимайте нас, какие мы есть.

– Проходите в комнату, – промямлил я, – там еще прохладнее.

Она осмотрелась, моя прихожая еще та прихожая, один велосипед на стене чего стоит, настоящий горный, две тыщи баксов, прошла, следуя моему жесту, в кабинет. У меня двухкомнатная квартира, двери все снял и выбросил, только на совмещенном с ванной туалете оставил, все-таки с чувствами гостей приходится считаться.

Как джентльмен, я шел сзади, так виднее и прямая спина, и тонкий стан, и вздернутые ягодицы, что провоцирующе шевелятся при каждом шаге, так и приглашают ухватить,

придержаться, успокоить.

Ноги ее длинные, загорелые, удивительно красивые, однако со свежими ссадинами. Одна ссадина похожа на след от собачьих зубов, другие – мелкие единичные царапины. Барбос шел за ней вплотную, шумно обнюхивал аппетитнейшие лытки, но женщина, похоже, не страшится его клыков, что странно, моего пса на улице все-таки пугаются.

Ветерок от лопастей вентилятора зашевелил ее рыжие волосы. Она остановилась, с удовольствием подставила лицо свежей струе. На лбу и верхней губе слабо блестят крохотнейшие капельки пота. По краешкам губ, как верхней, так и нижней, очень умело пущена узкая полоска татуажи, из-за чего и без того безукоризненные губы сразу приковывают взгляд, а в распаленном мозгу тут же всякие картинки, картинки, и все в формате муви...

Я указал на кресло.

– Садитесь. Понимаю, в машине насиделись, но разговаривать стоя... гм...

Она сказала легко:

– Да-да, абсолютно верно.

Я сел напротив, впервые вздохнул свободнее. В это кресло уже опускались женщины, но какой бы длины у них ни были платья или юбки, все равно как-то вот так само собой, что я чаще рассматриваю трусики, чем умно и проникновенно смотрю в лицо собеседницы, а то и вообще вижу блестящую спираль от Siemens. А эта села легко и свободно, очень даже

раскованно раздвинув ноги, но тугие шорты красиво и плотно обтягивают загорелые ляжки, никаких зазоров, трусиков не видно и в помине, тем более не угляжу, какого цвета волосики выбиваются из-под узкой полоски.

Барбос шумно вздохнул, потоптался, выбирая место, и плюхнулся пузом на ее ноги.

– Итак, – сказал я, – вы прочли мой постинг в Инете...

– И сразу позвонила, – ответила она, верно истолковав мою паузу. – Можно бы емэйлом, но вы указали и свой телефон...

Теперь уже она сделала многозначительную паузу. Я обругал себя, идиота, надо было в самом деле ограничиться емэйлом, легче отказываться, сказал поспешно:

– Да-да, телефон для того, чтобы сразу... если кто готов. Вы уверены, что готовы? Простите, я не расслышал ваше имя...

– Крис, – сказала она. – Кристина, если по паспорту.

– Меня зовут Владимир, – назвался я. – По паспорту то же самое, но на книгах рядом с фамилией оно бледнеет.

Она с оценивающим интересом пробежала по мне взглядом, нигде особенно не задерживаясь.

– Понятие «литагент» в России только устанавливается. Всякий в него вкладывает свое, вплоть до оказания интимных услуг...

Я поморщился.

– Такие пустяки меня не интересуют.

Она вскинули тонкие брови. Я поспешно пояснил:

– Со стороны литагента.

Она с небрежностью отмахнулась:

– Да нет, такие пустяки – всегда пожалуйста. Я к вашим услугам, если это необходимо для вашего творческого тонуса... Но для таких пустяков, как вы верно сказали, совсем не нужно нанимать литагента. Литагент – это все-таки выше, чем девочка по вызову. И, кстати, дороже. Но если одним авторам литагент нужен, чтобы пробивать их рукописи... на любых условиях, то другим, именитым – чтобы выколачивать побольше гонорары. Вас лично не устаивают гонорары?

Я покачал головой:

– Нет, гонорары устраивают. Мне литагент нужен совсем для других целей... Похоже, что этих целей в вашем списке нет.

Она уловила мой несколько ехидный тон, устремила взгляд ясных требовательных глаз мне прямо в лицо.

– Можно поинтересоваться, для каких?

Я начал загибать пальцы.

– Получать за меня гонорары и привозить сюда... Не улыбайтесь, это не так смешно, как кажется. У меня тридцать книг, все в печати. Идут хорошо, постоянно допечатываются. Собственно, три-четыре допечатки в месяц, а это значит, мне причитается три-четыре выплаты. Это три-четыре потерянных дня, ибо издательство на другом конце города, в бухгалтерии вечно нет денег... а если даже по телефону уверя-

ют, что деньги вот лежат, ждут, то может оказаться, что раньше меня придет какой-нибудь требовательный автор, которому проще заплатить, чем уговорить подождать... и тогда вам придется посидеть в коридоре полчаса-час, пока не подойдут очередные деньги.

Она спокойно кивнула.

– Это всего три-четыре дня в месяц... даже если считать, что три часа, потерянные на получение гонорара, вам убивают для творчества весь остаток немалого дня. Что еще?

– Ко мне часто обращаются с предложениями экранизации, создания телесериалов, мультфильмов, игр... как компьютерных, так и разных фигурок из дерева или бронзы. Я в этом деле не смыслю и не хочу разбираться. Это все спихнул бы на вас.

Она все еще не сводила с меня спокойных вопрошающих глаз.

– Принято. Но этого недостаточно для загрузки полного рабочего дня. Полагаю, что с такими предложениями обращаются тоже не каждый день. Что еще?

– Вам придется... если не самой прочесть все мои книги, то поручить это знающему человеку. Не обязательно редактору. Я оплачу. И составить карты, генеалогии, списки героев. Дело в том, что я писал, не заботясь о географии, лишь о человеческих характерах, образах, интриге, а читатели все чаще пишут, почему мои герои ехали на юг, а оказались на востоке? Или о каких горах речь, если в предыдущих книгах

был только лес, пустыни и степь?.. Это, как я понимаю, уже не входит в понятие «литагент», это скорее «домашний редактор» или что-то в роде того...

Она смотрела на меня внимательно. Я не видел, что у нее за этими зрачками, сейчас в полумраке они расширились, но что у этой безумно красивой женщины там еще и мозг, уже не сомневался.

В коридоре послышался какой-то шум, Барбос с великой неохотой встал, пошел проверять. Слышно было, как сопит в прихожей. Неожиданно она улыбнулась.

– Да, в России понятие «литагент» еще не обрело четкие границы. Но мне эти условия кажутся приемлемыми. Я, как уже говорила, работала редактором. Можете запросить характеристику в «Бетагайге». И порядок люблю, так что работа по упорядочиванию уже выпущенных книг... вы готовы вносить изменения?.. не будет для меня слишком уж противной. Оплата та же, но сроки должны быть разумными.

Я с великим облегчением вздохнул.

– Это не потому, – заверил я, – что требует издательство. Это потому, что так хочу я. Издательству наоборот – чтобы не вносил никаких изменений, чтоб могли шлепать тиражи по однажды сделанному макету. Так что сроки... сроки любые, но просто чтобы эта работа все же делалась.

Барбос вернулся и лег у ее ног. Еще и морду положил на ее ступни в изящных туфельках. Я хотел погнать в другую комнату, но Кристина легко наклонилась, длинный палец с

красным ногтем поскреб этому предателю за ухом.

– Хороший песик, – сказал она безмятежно. – Очень... милый.

У милого песика нижняя челюсть выступает не по стандартам вперед, отчего Барбос часто закусывает верхнюю губу, и тогда нижние клыки торчат наружу. Зрелище не для нервных, а не станешь всем объяснять, что собачка так улыбается.

– Да, – буркнул я. – Милый. Ради юбки друга продаст.

Кристина все еще чесала предателя за ухом, он счастливо щурился. Она внимательно взглянула мне в глаза.

– Ради юбки?... Надеюсь, ваше отношение к женщинам в книгах не... чересчур эмоционально?

– Наоборот, – заверил я, – теперь чересчур рационально. Утилитарно даже.

– Будьте осторожны, – сказала она легко. – Я слышала, что писатели формулируют мораль, взгляды, даже все будущее поколение. А это немалая ответственность! Вам нужно писать осторожнее, ответственнее...

Я постарался удержать вздох. Ладно, если меня постоянно учат как писать слесари, грузчики, инженеры, энтомологи, программисты, менеджеры, военные и вообще все-все, то почему бы среди них не быть и литагенту? Дискриминация какая-то.

Мой взгляд скользнул по ее великолепным загорелым ногам, ладно, можно и юбку короткую, и вообще все короткое.

Когда вот так говорит, то кровь приливает только к верхней голове, чтобы подыскать аргументы.

Кристина критически осмотрела мой стол, комп, дисплей.

– Вообще-то неплохо, – пробормотала она, – неплохо...

Третью писателей все еще пишут тексты... а одного знаю, что вообще на машинке... вы пользуетесь самыми продвинутыми прогами... О, у вас даже «3D Studio-12», когда же вышла...

– Еще не релиз, – сказал я. – Бета-версия.

– Краденая?

– Я неплохо зарабатываю, – ответил я с достоинством, довольный, что есть повод вот так небрежно еще раз напомнить о своей финансовой, мягко говоря, независимости. – Все лицензионное. А эту взял на тестирование.

– И вы рискуете?

– Кто не рискует, – ответил я, – тот не пойдет в писатели.

А вы, похоже, имели дело не только с текстовиками?

– Да, наше издательство решилось в конце концов на издание видеокниг, но уже, похоже, опоздало. Пошло плохо, не сумели встать на ноги, убытки, закрыли сперва отдел видеокниг, а потом и вовсе...

Я сказал скромно:

– Все зависит от авторов. Вы что предпочитаете: чай, кофе?

Она вскинула высокие тонкие брови:

– В такую жару?.. Не откажусь от стакана холодной воды.

Я отправился на кухню, распахнул холодильник. Оттуда хлынула волна холодного воздуха, я ощутил, что день в самом деле жаркий.

– Соки, – провозгласил я громко, – апельсиновый, абрикосовый, яблочный... Боржоми, пепси, фанта...

За спиной послышались легкие неторопливые шаги, повеяло свежестью. Голос над ухом произнес с легкой насмешкой:

– Раз уж я ваш литагент, то давайте я за вами буду ухаживать. Я себе абрикосового, а вам?

– Тоже абрикосового, – сообщил и добавил зачем-то: – Просто люблю сладкое. А все остальное – кислятина.

– У вас повышенная кислотность?

– В квартире? – переспросил я, не поняв. – Ах да, простите... Нет-нет! Наверное, нет. Вообще-то не знаю, никогда не интересовался.

Она достала соки, разлила по стаканам, серьезные глаза очень внимательно окинули взглядом кухню. Я тоже оглядел ее вслед за этим литагентом, уже моим, надо привыкать. Кухня, как кухня, для меня сравнительно уютно... ну, в том понимании, в каком понимаю уют: на столе раскрытый ноутбук, диски вперемешку с плитками шоколада, то и другое раскрыто, а то и надкусано... Но уже нет тапочка, который вчера заглянувший в гости Волознюк использовал вместо пельницы.

Кристина выпила сок, стакан быстро ополоснула, я уже

открыто полюбовался ее стройными ногами. Чтобы вымыть, приходится наклоняться над раковиной, у меня пальцы зачесались ухватить ее сзади, а когда она вскинула руки, чтобы поставить на полку, ее фигура, и без того стройная, превратилась в такое произведение искусства, что я даже руки опустил, женщина чересчур красива. Такие не могут вот так просто литагентами...

Глава 2

– Ну вот, – сказала она, – вроде бы все выяснили... в основном. Все остальное – по ходу дела. Сегодня вечером съемэйлимся, уточним детали. Я прощаюсь до завтра.

Я проводил ее в прихожую. Здесь воздух горячее, она на ходу бросила мимолетный взгляд на дверь ванной. Меня дернул черт сказать:

– Не хотите душ перед дорогой?

Она ответила, ни на секунду не задумываясь:

– Ой, спасибо, это будет очень кстати!

И тут же преспокойно открыла дверь. Я остановился в нерешительности. Она вошла и, оставив дверь распахнутой, сразу начала крутить вентили, ударила тугая струя. Когда ее изящные руки изогнулись, пропуская пальцы за спину в поисках крючков или что там у них на завязках топа, я поспешно отступил, вернулся в кабинет.

Слышно было, как струя воды ударила уже из душа. До неся вскрик, легкий смех. Я почти увидел, как ее шоколадная кожа напряглась под холодными струями, там повисли крупные капли воды.

Некоторое время слышался шум воды, плеск, потом Кристина громко позвала:

– Владимир, вы где? Я забыла спросить, а какие у вас взаимоотношения с журналистами?

Я крикнул:

– Почти никаких!

Вода шумит, я понимал, что Кристина меня не слышит, повторил ответ громче, осторожно вышел в прихожую. Дверь все так же открыта, видно половину ванной комнаты, стиральную машину, даже часть умывальника с зеркалом, затем шум воды стал сильнее, а воздух свежее. Кристина, похоже, обливается самой холодной водой. Впрочем, какая она в такую жару холодная.

– Что-что? – донесся ее голос.

– Почти никаких! – прокричал я.

– Не слышу!..

Ах ты, зараза, мелькнуло в голове. Озлившись, я подошел к двери и встал в проеме. В белоснежной ванной комнате, где и плитка белая, и сама ванна белая, даже стиральная машина – белая, вид ее загорелого до красноты тела ударил по моим нервам, как пронзительный ликующий крик. Она стоит обнаженная, одной рукой направляет струю из душа, другой с наслаждением соскребает пот и грязь с тела. Поперек красивой формы груди ослепительнобелая полоска, а внизу на красной коже белеет узкий треугольник, там кучерявятся редкие золотистые волосы, а капельки воды блестят на них, как жемчужинки.

Перехватил взгляд, она перестала смеяться, спросила деловито:

– Какие у вас отношения с журналистами? Как насчет пи-

ара, белого или черного?.. Какими видами рекламы пользуетесь?

Я ответил угрюмо:

– Никакими.

Дождик на мгновение остановился, поливая ее грудь, оба полушария выглядят упругими, а вода сбегает с острых красных кончиков длинными изогнутыми струйками. Я ощутил, как ее глаза очень внимательно обшаривают мое лицо.

– Так разве бывает?

– Я вот такой, – ответил я мрачно.

Она продолжала поливать свое великолепное тело, тугой подтянутый живот, а дальше прозрачные прохладные струи сбегает витыми жгутами по длинным загорелым ногам. На чистых здоровых ногтях заблестел розовый перламутр.

– Странно, – произнесла она. – Не врете?.. Я на вашей стороне, мне врать не нужно.

– Да не вру я, – ответил я с досадой. – Это можете считать суперблагородством, можете дуростью, но для меня здесь есть и расчет.

Она приподняла душ над головой, тонкие струйки теперь били по плечам, ее левая грудь тоже поднялась, я невольно скосил на нее глаза. Легкая победная улыбка скользнула по губам Кристины, она спросила легко:

– А в чем расчет?

– Я марафонец, – пояснил я угрюмо. – А литературный мир заполонили спринтеры с коротким дыханием. Разве вы

не читали в газетах, не видели по жвачнику обширные интервью с начинающими суперпупергениями? Портреты, снова интервью, громогласные обещания создать шедевр, рассказы о том, как их озаряют гениальные идеи... Где эти авторы-мотыльки?.. А я признаю только чистые победы.

Она повернулась ко мне спиной, черт, что у нее за спина, это же произведение искусства, а не спина, узкая талия – песня, а вздернутые ягодицы... по ним бежит вода и срывается, как с крутых уступов, ноги широко расставлены, а там в развилке золотистые волосы слиплись и потемнели, свисают клинышком, по ним мощно сбегает струя, на меня плеснули брызги, это я, оказывается, как лягушонок при виде ужа, двинулся в ванную.

– Чистые, – произнесла она задумчиво в кафельную стену, – это как?

– Читатели, – пояснил я. – Тиражи. Мнение прочитавшего книгу, когда говорит соседу или коллеге: классная книга, всю ночь читал!.. Все сдам в букинистику, а эту – оставлю.

– Ого, – произнесла она.

– Обоснованно, – ответил я ей в тон.

Она повернулась ко мне, уже заметно посвежевшая, подтянутая. Улыбка скользнула по красивым губам, так же грациозно вставила гибкий шланг душа в держалку, взглянула на меня. Я подал руку, джентльмен хренов, она оперлась одними кончиками пальцев и легко переступила через бортик, оказавшись в тесной ванной комнате ко мне почти вплотную.

Я поспешно подал широкое полотенце. Кажется, я двигаюсь чересчур суетливо, хотя улыбаюсь уверенно, а в глазах легкая ирония, надеюсь. Она быстро и умело вытерлась, я вышел, не стал наблюдать, как натянет шортики и какой олдэйс подложит под золотистую шерсть на развилке.

Она вышла уже в топе и шортиках, кивнула:

– Спасибо. Итак, я принимаю ваше предложение!.. Завтра встречаемся, начинаю работать.

Барбос, тяжело дыша, пошел провожать, длинный красный язык едва не волочится по полу. Дверь за нею щелкнула, я украдкой прильнул к глазку, а потом с балкона наблюдал, как она вышла из подъезда и садится в свою серебристую пулю. В голове крутилось недоумевающее: а почему только после душа решила окончательно, что будет у меня литагентом?

Легче подавить первое желание, сказал я себе зло, чем утолить всю толпу, что ломанется следом. Возвращаясь в кабинет, грубо гаркнул:

– Инет!

Зажегся огонек, потом еще два, уже мигающих. Связь у меня супер, провайдер новый, трафик еще не забили, качаю с безумной скоростью. Потом, конечно, клиентов станет побольше, начнутся ограничения, но пока что скорость устраивает...

Увидел содержимое ящика, выругался. Раньше менял ад-

рес раз в год, потом в полгода, теперь меняю ежемесячно, а пора уже переходить на еженедельную смену емэйла с автоматической рассылкой друзьям нового адреса. На какое-то время это задерживает поток спама. Правда, хакеры на службе разных коммерческих фирм успешно ломают криптозащиту, но все-таки отсрочка...

Восемьсот писем, из них только восемь – новости, на которые я подписался, еще два письма я бы отнес к полезным: некая фирма, многократно извинившись, прислала свой прайс-лист на комплектующие к компам, цены очень низкие, явно распродает остатки и ликвидируется, и новый сайт фантастики, который сообщил о своих наполеоновских планах и просил посетить его, сказать, что поправить, улучшить и пр.

Из остальных: пятьсот писем – наглая и неумелая реклама товаров и услуг, и около трехсот – повести и романы начинающих авторов. Зло берет не на то, что долго скачивал, это не начало века, когда скорость была, смешно вообразить – три-четыре килобайта в секунду! – сейчас все эти восемьсот писем перелетели с сервера в мой ящик за две-три секунды, а на трудность поиска именно нужных мне писем. Новости нахожу, понятно, сразу, уже привык к их заголовкам. Другой – труднее, ибо подписываются то никами, то именами, то фамилиями. К тому же тоже нередко меняют адреса... И уж точно выбрасываю, не вскрывая, редкие письма, которые в самом деле могли бы быть интересными. Или полезными.

Рука моя автоматически выделяла блоки по сорок-пятьдесят писем с аттачментом, где романы молодых гениев, щелчок на «удалить», и новая порция летит в мусорную корзину. Как-то я разговаривал со старым и маститым писателем, заставшим еще мир без Интернета, тот мне посочувствовал, но сообщил, что и ему приходили рукописи начинающих. По почте. И он одевался, выходил из квартиры, запирали, шел к лифту, нажимал на кнопку, ждал, потом на лифте спускался вниз, шел на почту – благо близко, в соседнем доме! – там предъявлял почтовое извещение, заполнял кучу бумаг и карточек, ручкой заполнял, макая в чернильницу, потом ему выдавали объемистый пакет, он возвращался, вскрывал, вытаскивал рукопись...

– И приходилось, знаете ли, – сказал он сочувствующе, – читать... Ведь человек трудился, отсылал, деньги тратил. И в очереди стоял, на почте всегда очередь.

– Значит, мое поколение честнее?

– Да нет, дорогой. Просто вы прижаты к стене. Триста рукописей, говорите? Ежедневно? Это же просто невозможно прочесть! А вам-то и самому есть-пить, да и работать надо. Если бы вам приходило раз в месяц, как мне...

Я вспоминал этот разговор, а пальцы автоматически скроллировали по списку, выделяли черным цветом и удаляли, удаляли, удаляли... Один раз зацепили и письмо приятеля, но на то корзина и есть корзина, а не костер: вытащил, расправил.

Десять минут на эту ежедневную чистку почтового ящика. Немало просто советов, как писать, о чем писать, где у меня неправильно подано, освещено, не тем углом повернуто. Так и хочется прокричать всем сразу: дорогие друзья, я уже выпал из того возраста, когда учатся! На самом деле это, конечно, брехня, умные учатся до самой смерти, а я ж не просто умница, я просто чудо, золото, я самый-самый лучший, но этим советчикам надо вот так громко и вслух, будто тугоухим: все, баста, хана – я уже заостенел, отупел, ничего нового понять и принять не в состоянии! Да и раньше я вместо подписи ставил крестик. Потому не присылайте мне, как правильно прыгать с вертолета, из какого железа лучше ковать мечи, какую политику ведет Япония и где у меня повторы. Все это лишь метать бисер перед свиньей, то есть передо мною. И вообще, если будете разбрасываться бисером, то подорожает!

Вы умные и замечательные доброжелательные люди, я ведь понимаю, что делаете это не с желанием засадить мне, а лишь с бескорыстным стремлением научить меня, дурака, писать. Это я такая невнимательная скотина: не подсказываю вам, как делать табуретки, дома, ракеты, финансовые системы, а вот вы – слесари, инженеры, президенты фирм, всегда готовы научить меня, как надо писать. Все же лучше подобную помощь направляйте молодым начинающим авторам. Они примут со слезами благодарности! Не то что я – грубый хам с манией величия. И вообще дурак.

Пусть критерий моих книг будет один, как и принято в Литературе: нравится – не нравится. Не нравится – на прилавках сотни книг других авторов, что вылизали текст до блеска. Читайте их! Наслаждайтесь, упивайтесь их безукоризненностью. Ну, а если уж так невтерпеж хочется научить писать другого, доброта и альтруизм прямо рвутся из душ, то направьте, как я уже сказал выше, свою бескорыстнейшую помощь молодым авторам. Тем более что у них чаще всего лишь рукописи, которые можно еще править, а мне править уже поздно, увы. Как и меня самого, увы-увы... Ура!!!

Барбос принес мячик и потыкался носом. Я отмахнулся. Он вздохнул, выронил мячик, ушел. Слышно было, как скребется под шкафом. Вскоре принес толстое резиновое кольцо, глаза смотрят с надеждой.

– Господи, – сказал я с досадой, – почему все собаки играют сами с собой, а тебе надо меня приневолить?

Он вздохнул громче, положил голову мне на колено и застыл, держа колечко в зубах. Большие коричневые глаза смотрят с укором.

– Ладно, – пообещал я, – сегодня выйдем гулять на полчаса раньше. И я тебе побросаю эту гадость.

С десяток писем с цветными аттачментами, эти тоже удалял, не глядя. Романы начинающих с иллюстрациями. Потом придут письма уже без аттачментов, но с упреками, что не прочел, не ответил, не прорецензировал, не пристроил, не добился высокого гонорара... Придурки, даже не читают

мой FAQ на сайте. Ясно же написал, что ничем подобным не занимаюсь. Ну не занимаюсь – и все.

Да, будь я человеком с нормальной психикой и будь, благодаря этому, нормальным писателем, я бы ответил красиво и витиевато, сослался бы на предельную писательскую занятость, изрек бы что-нибудь высокопарное и ох какое мудрое о Великой Роли культуры... ну и что, если ни к селу ни к городу? Зато о Культуре. Все так делают... но я прямо и честно отвечаю: а на фиг мне ваши рукописи?

Вот вернулись вы из книжного магазина. В руках купленные книжки, отбирали из вороха на стенде. Денег в обрез, так что учитывали рейтинг серий, имя автора, жанр и все такое прочее. Словом, купили вроде бы то, что на данный момент самое интересное. Сейчас на диван и будете наслаждаться...

Но тут по емэйлу какие-то файлы от неизвестных личностей. Тоже романы или повести. Ну и что, отложите купленные книги, которые явно интереснее, раз уж прошли жесткий отбор для печати, а потом еще и ваш личный при покупке, и которые точно легче читать, лежа на диване, чем это неизвестное с экрана монитора?

Ребята, я не чиновник на службе, который *обязан* отсиживать от и до, выслушивать, отвечать, кланяться, улыбаться, стараться всем понравиться. Я бью гадов в кваках и ан-рылах, раздеваю баб в стрипперах, сражаюсь по сети с наивными, мечтающими у меня выиграть на картах, которые я

составлял сам и где знаю все секреты, хотя, на ваш правильный взгляд, должен бы сидеть с надутыми щеками, вещать глупости, которые выдаются за вечные истины, и обязательно заниматься вашими рукописями, читать и устраивать для печати, добиваться вам высокого гонорара и носиться по магазинам, стимулируя продажи.

Да и есть еще одно обстоятельство, о котором стараюсь не говорить. Не потому, что боюсь сглазить, а из боязни, что, поговорив, выпускаешь часть пара, после чего с сознанием выполненного долга можно засесть за комп и поиграть во что-то новенькое или же почитать чью-то видеокнигу. И моя Главная Книга, на которую возлагаю столько надежд, притормозит еще на день, а то и на недельку.

Раздался звонок вызова, я скосил глаза на экран телефона. Темно, только внизу вспыхнули цифры красным. Петро Синицкий, его номер, один из самых первых, с кем я познакомился в Союзе писателей... Он на десять лет старше, что в нашем возрасте почти ничего не значит, но уже к моменту встречи была квартира от Союза писателей, дача и машина, купленные по льготным ценам от Литфонда, в то время как у меня только долги.

Я щелкнул кнопкой на браслете часов, включая громкую связь, сказал с легкой досадой:

– Петро, ну чего с экраном не поставишь? Копейки не стоит!

– Здравствуй, Володя, – раздалось из динамика вежливое. – Да, знаешь, все еще...

– Не решишься?

– Да просто никак не соберусь.

– Давай помогу, – предложил я.

– Ну что ты!

– Буду ехать мимо, – сказал я, – забегу в ближайший магазин, куплю и сам тебе поставлю!

Он испугался, сказал торопливо:

– Ну что ты, что ты!.. Не надо, я все сделаю сам. Как только...

– ...так сразу?

– Нет, но это же сложный аппарат, надо основательно...

Некоторое время я не слушал, Петро многословен, не сразу и продерешься через словесные кружева, что же хотел сказать на самом деле. Скорее всего звонит просто так, это называется «поддерживать контакты». Думаю, что не из деловых соображений, хотя я сейчас на вершине списка самых успешных авторов, со мной дружить и выгодно, но Петро все же человек щепетильный, он просто не хочет терять старых знакомых.

Он был и остался «типографским человеком», то есть существом, что видят мир только через черно-белый текст газет и книг. Гуттенберг изменил мир, создав книгопечатание, что сразу же начало вторгаться через границы государств, менять мировоззрение, стало основным звеном в образова-

нии и вообще стало критерием уровня культурного человека: стоит вспомнить бесконечные книжные полки в квартирах русских интеллигентов в эпоху застоя! Я тоже был этим самым, типографским, но так жадно хватал все технические новинки, что не просто усвоил новый язык литературы, а сам его создал, сам сотворил эту самую импатику.

Вообще печатный текст сформировал всю культуру, мы все вышли из типографской эры, это только сейчас книгу начали теснить радио, кино, телевидение и компьютеры да еще появился и начал бурно развиваться Интернет. Особенность их в том, что появился особый язык: аудиовизуальный. Он проще, доступнее, информации несет намного больше, а усваивается она мгновенно. Эту особенность легко проследить по многочисленным рекламам на улицах, в метро, на экране жвачника.

Однако же типографская эра не сдалась без боя. Напротив, на какое-то время сумела потеснить соперника, к удивлению экспертов, даже значительно расширила свое поле. Именно благодаря современным технологиям, благодаря компьютерам и Интернету. Телевидение все же в массе своей ориентируется на дебилов, что получают готовые зрительные образы и готовые суждения уже без права на критическое осмысление увиденного, а Интернет снова возвращает людей к печатному тексту, заставляет и самим печатать в чатах, и пользоваться во всей мере самым замечательным достижением текстовиков: гипертекстом.

Гипертекст снова вернул всю мощь печатному слову, из плоского стал многомерным, богатым, насыщенным, бесконечным. Обычный текст плоский, двигаться можно только линейно, в гипертексте же, щелкая по ссылкам, можно, не покидая основного текста, мгновенно переходить к другому, третьему, четвертому и так до бесконечности. Причем, что красиво подчеркивается на экране монитора, новый текст появляется в новом окошке, слегка сдвинутым по отношению к основному, третий сдвинут еще сильнее, так что торчит новый уголок, визуальнo вырисовываются как бы ступеньки, по которым можно уходить в бесконечность.

Гуттенберг бы ликовал, видя, как книга становится многомерной, как, не откладывая в сторону одну книгу, раскрываешь прямо в ней другую, третью, четвертую и так далее. Печатный текст приобрел гипертекстуальность, даже интертекстуальность, чего, конечно же, никто в те времена предвидеть не мог. Что для нас, авторов, самое важное, текст в Сети привел к деперсонализации, личность автора уже размылась, остался только текст, который из-за множества перекрестных ссылок тоже приобрел совсем другое значение, став совершенно надличностным, что, конечно, безразлично для читающих, а то и хорошо из-за его безграничности, но хреново для авторов.

Я вовремя вынырнул из потока мыслей, ощутив по голосу Петра, что уже заканчивает монолог о судьбах словесности, кашлянул и вклинился:

– Петро, но я все-таки привезу тебе с экраном, если за неделю не поставишь сам!

– Володя, – сказал он поспешно, – я все поставлю сам! Ну, не за неделю...

– За год?

– Ну что ты, что ты. Я сам все собираюсь, но, возможно, через пару недель поставлю. Ты только не торопи меня. Ну ладно, я рад, что у тебя все хорошо. Пишешь?

– Да, понемножку, – ответил я с неловкостью. Сказать, что пишу не время от времени, а ежедневно, – это почти оскорбить человека старой эпохи, а Петро относится к старой, который уверен, что писать можно только «по вдохновлению». – Стараюсь работать...

Мы распрощались, я с облегчением выключил связь. Возможно, он из-за своей чрезмерной щепетильности не хочет, чтобы видели его небритую физиономию. Я, к слову сказать, никогда еще не видел его небритым, или даже недостаточно чисто выбритым, в несвежей рубашке или с плохо повязанным галстуком. А когда дома телефон с экраном, это ж такому человеку надо всегда быть в полной готовности!

Скачал, распаковал и поставил новый звукоредактор. Теперь уже не серией нажатий кнопок, а голосовой командой меняю свой голос на женские, детские, а если приходится говорить мужскими, то в библиотеку добавилось еще три тысячи новых: грубых, нежных, слащавых, насмешливых,

язвительных, робких, многозначительных... Я говорил где басом, где тенорком, где уверенным голосом полководца, где сипел простуженным козлетоном пропойцы. Вдобавок по Инету постоянно приходят обновления, апгрейды, новые скины.

Многих раздражает требование читателей вариативности текста, но мне это как раз в масть. Помню, смотрел по жвачнику интервью с Эрнстом Неизвестным, который вот так же в одиночестве творил, жил вне тусовок, конференций, съездов. Он упомянул о комсомольском собрании, когда один выступил и обвинил его, что, когда потребовалось представить на семинаре вариант какого-то проекта, он, Неизвестный, принес тридцать девять вариантов. Тогда Неизвестный ожидал, что дурака засмеют, но в зале поднялся озлобленный вой: начали обвинять в зазнайстве, в желании выпендриться... А для меня, вспоминал Неизвестный, было естественно выдать множество вариантов, что пришли в голову!.. Оказывается, я должен был считаться с тем, что основная масса студентов едва-едва наскребает знаний и умения на один хиленький вариант!

Я тоже могу выдать десятки, если не сотни вариантов, но труд писателя прошлого поколения заключался в том, что в любом случае выдаешь один, и неважно: это единственный, что у тебя с трудом сформировался в черепе, или же выбрал из сотни равноценных, в чем-то параллельных или взаимоисключающих. Теперь же я пускаю течение романа по мно-

жеству развилок, героев корректирую по ходу, задаю им разные характеры, сам удивляюсь поворотам, но не пускаю на самотек, как любят перед восторженными дурами выпендриваться закомплексованные. Дескать, ах-ах, герои имеют свою судьбу, идут сами, а я только записываю за ними. И, конечно же, не знаю, чем роман кончится.

Дешевая отмазка! Всякий писатель знает, чем роман закончится. Он и не начинает, пока не придумает концовку. А насчет того, что в самом деле не знает, так только начинающие не знают, чем закончить. Мы, профи, знаем четко начало и конец, даже середину представляем в общем-то, хотя и смутно. В середине могут быть разные повороты, но концовка – готовится заранее!

Я наоткрывал множество окошек, экран у меня громадный, чуть ли не во всю стену, все помещается... пока что помещается, и мозг разогрелся, хватая информацию сразу из разных источников. Раньше лучшее образование получали те дети дворян, у кого была бонна и школьный учитель из Франции, потом – дети графов и партработников, а сейчас самые сверхценные люди – это те, кто не получил принудительного образования, что вообще отбивает страсть к учебе, а обучился нужному сам, через Интернет. У них нет штампов, зашоренности, навязанных преподавателем или студенческим обществом взглядов. Такие «доходят до всего» сами, а в помощь – все библиотеки мира, консультации по всем вопросам... согласитесь, это очень немало.

Если честно, то это невообразимо много. Во всяком случае, намного больше, чем получают обычные студенты в старообрядческих... в смысле старозаветных... нет, старомодных вузах, колледжах и прочих академиях. Пусть даже эти учебные заведения именуются элитными, суперэлитными, высококлассными, с древними традициями... не понимая, что слово «традиция» сейчас работает против, а не за. Все равно в любых учебных заведениях выпускают специалистов, а прогрессу остро нужны творцы. Но творцами станут только в процессе самостоятельного и даже несколько хаотичного обучения, когда обучающийся сам выбирает и скорость усвоения материала, и темы, и их толкование.

Я додумал эту мысль до конца, очень уж она лестная, погладил себя по голове, похлопал по плечу и даже сказал вслух:

– Ай да Пушкин, сукин сын!.. Ай да молодец!

Глава 3

Рука безуспешно шарила в хлебнице. Я повернулся и обнаружил, что ладонь шлепает по голой полке, будто ловит прыгающего лягушонка. Ладно, сыр можно и без хлеба... но в холодильнике тоже хоть шаром покати. Черт, чего только не получаю по Интернету, а вот за продуктами приходится как дикарю в гастроном.

Мягко звякнул телефон, на экране появилась крупноформатная морда Благовещенского, чуточку подретушированная, без этого он не может, хотя, по мне, чего стесняться ранней лысины, у кого-то она уже с двадцати лет, а Благовещенскому все-таки за сорок, ничего страшного. Правда, выглядит очень моложаво, больше тридцати лет не дают, но какая нам, мужчинам, на фиг разница, на сколько выглядим? Мы всегда орлы!

– Привет, – сказал я.

Телефон включился, до этого времени, пока я колебался, экран у Благовещенского оставался темным, что значит, никто у меня не отвечает, а сейчас он оживился, задвигался, сказал с подъемом:

– Здравствуй, вечный труженик!

– Привет, – повторил я, теперь уже для Благовещенского, предупредил сразу: – Денег не дам!

Он сделал обиженное лицо:

– Ну что ты такой приземленный?.. Я тебе хотел о Высоком...

– ...а закончить: «...одолжи сто баксов»?

– Ну что ты, – повторил он, – я только хотел сообщить приятную новость...

– Какую? Сто баксов не дам!

– Последнюю пиратскую библиотеку прикрыли, – сообщил он. – Совсем хитрая была, дрейфующая, на корабле! Чуть ли не под настоящим пиратским флагом. Потому и трудно было ее прикрыть, энтузиаст попался, боролся до конца! А там у него было полно твоих книг.

Я кивнул, новость в самом деле хорошая.

– Только что-то не верю, что так уж и последний.

– Его не просто прикрыли, но и посадили на семь лет. За упорное укрывательство, за пренебрежение законодательством и все такое. Так что с тебя в любом случае причитается! Ладно, пусть не сто баксов, но девяносто дашь?.. Ну, восемьдесят?.. Семьдесят?

Я вздохнул.

– Полста дам. Я сейчас иду в булочную, пересечемся.

Он вскрикнул обрадованно:

– Сейчас выхожу!

Я с отвращением натянул шорты, не идти же на улицу в плавках, надел майку и пошел в прихожую. Барбос опередил меня, чуть не сбив с ног, запрыгал у двери. Я вздохнул, надел ему ошейник, поводок оставил дома, булочная рядом, а Бар-

боса знает и любит весь дом, а также жильцы дома напротив. Булочная же посредине, так что никто не вопит: «Убэрите сабаку, пачэму бэз намордныка?»

Новость хорошая, хотя не очень-то верю в полную и окончательную. В одном месте уничтожат, в другом открывают. А то, что они существуют, видно даже по емэйлам или по записям на форуме, где наивно спрашивают, где можно скачать на халяву ту или иную мою книгу! Вроде бы все прекрасно понимают, что писатель живет только за счет издания книг, а все это «на халяву» – прямое воровство, но все-таки...

Писательский труд стал невыгоден в первую очередь из-за такого вот воровства, а уж потом под натиском видеокниг. Из литературы ушли профессионалы, что снабжали рынок добротными детективами, фантастикой, мелодрамами. Остались те, кому неважно, будут им платить или не будут, им главное – увидеть свой текст. Как называются эти люди, объяснять не надо.

Так мелочная жадность и нежелание платить даже крохи погубили целую отрасль культуры.

Эти воры делали невинные глаза и говорили о высокой роли свободы информации, но что-то не требовали, чтобы актеры играли для них бесплатно, не требовали, чтобы их пропускали в кинотеатры за так, а вот чтобы авторы писали бесплатно – да. Дескать, вы пишете в свободное от укладывания асфальта на дорогах время, а я скачаю вашу книгу на халяву. И не понимают, что когда автор пишет только в

свободное от основной работы время, то он не просто пишет урывками, пишет очень мало, но и... пишет плохо! Только в постоянной работе оттачивается стиль, язык, образы сюжеты, динамика. Словом, все то, что делает книгу интересной.

Авторам не стали платить, в литературе уцелели одни графоманы. Если объяснять на пальцах, то графоманы – это люди, которые любят писать, обожают писать, но не умеют критически оценивать написанное. Им нравится все, что они написали: да, такие будут писать и бесплатно. А настоящие авторы всегда недовольны написанным. Им если не платить за этот труд, который они выполняют с отвращением, тут же перестанут стучать по клавише. Таким образом любитель халавы остался только с графоманскими произведениями. Их еще полно в текстовом варианте, но уже немало и в формате импов. Правда, пасбайму мало кто качает даже на пробу: все-таки средняя весит триста-четыре терабайта, а это дороговато для студента или школьника, основных халавщиков: с бесплатным Рунетом покончили раньше, чем с любителями бесплатного софта.

Барбос вихрем вылетел на лестничную площадку, пугнул двух подростков, гостей соседки, все трое вышли покурить, соседка сразу засюсюкала:

– Барбосик, ты наше чудо... И за что мы все тебя любим?

Парни пугливо посматривали на могучие челюсти Барбоса, а тот прыгал вокруг соседки и старался лизнуть ей нос. Она смеялась, отмахивалась, поинтересовалась:

– В булочную?

– Да, – ответил я озадаченно, – а что, на мне написано?

Она расхохоталась:

– Все остальное, даже воду в бутылках, вам приносят на дом!

Я кивнул, все верно, хлеб как-то неловко заказывать, это не ящик с минеральной водой или пара ящиков пива. Хлеб на неделю не купишь, а из-за каждой булочки вызывать человека – как-то неловко даже для такого лодыря, как я. Хотя я, конечно, не лодырь, просто я работаю много, очень много. И вообще это мое кредо: писать много. Я не молод, застал еще то время, когда писали ручкой, макая в чернильницу, потом печатали на механических машинках, а сейчас вот на компьютере. Причем я одним из первых перешел... вообще-то это я так из скромности, на самом деле я первый перешел от печатания буковок напрямую к работе с импами, то есть вот так сразу образами, а когда мне надо изобразить стук копыт, то не пишу «простучали копыта», а из десяти тысяч сэмплов выбираю подходящий стук некованого или кованого коня, это как надо по сюжету, стук копыт по камням, по сухой земле, по гравию или по траве...

Но писать много нужно не только потому, что наконец-то дорвался до настоящего творчества, хотя работать с импами – это совсем не то, что с безликими буковками. Здесь размах, богатство, неслыханные возможности, я все еще не овладел ими в полной мере, да и никто не овладеет в полной, это

неисчерпаемый мир, к тому же постоянно пополняемый.

Писать много нужно потому, что я из числа профессиональных заглядывателей в будущее, а то, что там вижу, хоть и наполняет душу восторгом, но скоро заставит искать другую работу. Лет через десять можно будет записывать свою личность в такой вот компьютер, в смысле – похожий с виду ящик будет стоять здесь же на столе или в уголке, но, конечно, в тысячу или миллион раз мощнее. По всем прогнозам инженеров, такой комп будет закончен уже в следующем году, по карману сперва только миллиардерам, еще через пару лет станет доступен и миллионерам, а еще через пять лет цена упадет настолько, что смогу купить и я.

Но тут уж неважно, кто первый из писателей купит, я или кто-то другой: этот человек мгновенно завладеет всем книжным рынком, ибо, сбрасывая свое сознание в компьютер, будет мыслить и работать в миллионы раз быстрее, а это значит, что легко и просто сможет выдать пусть не миллион книг в месяц, но хотя бы тысячу, а это обвал, это крушение рынка, это конец такой профессии, как писательство.

Потому надо успеть сейчас заработать какое-то количество денег, чтобы купить такой комп... нет, уже не для работы, на ней сразу крест, просто безумно интересно, как это подключаться к таким мощностям, переливать свое сознание туда и обратно, успевая там за тысячную долю секунды просмотреть через Интернет десяток новеньких фильмов, пару сот клипов, пробежаться по новостям, взглянуть

на дайджест последних научных разработок, сосканировать и твердо запомнить все новейшие анекдоты, чтобы щегольнуть в компании...

На пятом этаже подсела супружеская пара, я их не знаю вроде бы, они меня тоже, но Барбоса почему-то узнали: женщина наклонилась и почесала ему спину, мужчина натянуто улыбался и старательно делал вид, что вот нисколько не боится этого пса-убийцы, собаки-людоеда, которая за прошлый год покусала по стране сто тысяч человек.

– В булочную? – поинтересовалась женщина.

– Точно, – ответил я обреченно.

– Хорошее время, – определила она. – Сейчас как раз свежий хлеб завозят. Я всегда по запаху с той стороны улицы слышу.

– Да, – сказал я зная, чтобы подтвердить свою репутацию гурмана и умельца выбирать свежий хлеб, – я вот именно, чтобы с запахом!

– И с хрустящей корочкой, – добавила она с улыбкой.

– Обязательно! Иначе что это за хлеб?

Лифт остановился, двери распахнулись, Барбос, к облегчению застывшего мужчины, вылетел вихрем и помчался, делая вид, что вот прямо умирает от жажды увидеть зелень и насладиться свежим воздухом после многочасового сидения перед бездушным компьютером.

Я невольно вспомнил Кристину, ей куда жарче, насколько знаю, кондиционеры предусмотрены далеко не во всех мо-

делях «Опелей». На выходе из подъезда в лицо пахнуло расплавленным асфальтом, жарким прокаленным воздухом, потом, горелым железом, гарью, будто где-то поблизости пожар.

Барбос метался по газону, глаза горят азартом, нос вытянулся, как у слона хобот, ноздри трепещут, как крылья стрекозы, для него мир полон запахов, везде медленно тают образы как проходивших недавно людей, так и собак, кошек, даже пролетавших голубей и воробьев. Воровато покосился в сторону огромного мусорного контейнера.

– Не отставай, – велел я строго. – Тоже мне, библиофил!

Он покосился укоризненно большим коричневым глазом. Мол, предатель, отступник, как же можешь смотреть на такое безобразие и не хвататься за сердце?

Барбос недовольно похрюкивал, но перечить не смеет: надо переходить улицу, а если заупрямится – возьму на поводок. Демонстративно покорно перешел рядом, как робот-овчарка держась у левой ноги, но уже на той стороне сразу же ринулся на газон искать следы всяких-разных, к тому же надо успеть оставить свои метки, пусть знают, гады, кто здесь был большой и страшный.

– Далеко не отходи, – велел я.

Дверь магазина услужливо распахнулась, струя прохладного воздуха ударила навстречу, я выпрямился, оживая. Бывший гастроном, а теперь супермаркет, залит ярким светом: специалисты подсчитали, что при таком освещении у

людей праздничное настроение, покупают намного больше, берут дорогие продукты и вещи, которые не взяли бы в будни.

Я взял тележку и пошел вдоль полок, народ бродит не спеша, выбирает, советуется с продавцами и друг с другом, что взять, каждый день появляются новые товары, попробуй угадай, какие стоящие, а какие – халтура. А тут еще эти моды, как уже начали называть модифицированные продукты даже древние старушки. Смотришь и не понимаешь, что перед тобой на полке, где вчера лежал обыкновенный картофель.

Возле бесконечного стенда с различными кока-колами, пепсами и спрайтами я поинтересовался у молоденькой продавщицы:

– А какая вода не играет?

– Простите?

– Какая, говорю, фирма, выпускающая газировку, не играет во все эти подарки, выигрыши и прочую... да-да, то самое слово?

Она призадумалась, сказала нерешительно:

– Вроде бы «Праздничная елка»... А зачем вам?

– Я не играю, – объяснил я. – И не хочу оплачивать все эти призовые автомобили и поездки в Канны.

– Ой, это у них такой малый процент от прибыли!

– Все равно, – сказал я твердо. – Не хочу оплачивать чужие выигрыши. Ведь все это включено в себестоимость?.. Я – бедный.

Она с сомнением скользнула взглядом по моим шортам от Джона Ленкиса, сандалиям от Гейбла Урдона, небрежно расстегнутой рубашке с короткими рукавами, даже заметила на запястье часы, которые подарили мне на день рождения, на них можно выменять неплохой автомобиль...

Я таскал за собой тележку, складывал сыр, ветчину, филе красной рыбы и вдруг поймал себя на мысли, что постоянно прикидываю, будет ли Кристина есть это или не будет... черт, да что со мной? Первый раз видишь, что ли, красивую стерву? Как она преспокойно выгибалась перед тобой, дурак, в ванной, красиво так споласкивалась, ржала про себя, глядя на растерянную харю, что пытается сохранить остатки самообладания!

– И виноград, – сказал я продавщице. – Нет, вон те грозди, покрупнее... Да, и груши тоже. Нет, самые крупные. Ладно, пусть дороже, но только чтоб самые спелые и сочные...

В отделе хлебных продуктов увидел согнутую фигуру высокого мужчины, он толкал перед собой пустую тележку. Вот взял буханку хлеба, черного, самого дешевого, двинулся дальше. Уже знаю, в молочном отделе возьмет пакет молока. Самого дешевого. Где полпроцента жирности. Не потому, что боится потолстеть, просто не все литераторы сейчас зарабатывают, как я...

Я ощутил стыд, пошел за ним, мучительно придумывая повод, чтобы либо всучить ему сотню баксов, либо как-то помочь еще. Увы, я не могу помочь в самом главном: не могу

помочь напечатать его очередную книгу.

Мне грустно наблюдать живые развалины, которые совсем недавно были сверкающими памятниками, к подножью которых сходились миллионы восторженных поклонников. Эти авторы гремели славой в Советском Союзе, где их якобы «не печатают», «цензура вырезает самое лучшее», «угнетают», «не пропускают», хотя их книги выходили миллионными тиражами и сметались с прилавков в один день. Они все или почти все еще живы. Бодренькие такие старички, при угнетавшей их советской власти успевшие отхватить особнячки, роскошные квартиры, дачи в Переделкино, сейчас при нынешней свободе слова не в состоянии написать ни единой строчки!

Томберг тоже имел все блага, но, будучи человеком беспечным, позволил, чтобы родня прибрала к рукам все, а сам живет в однокомнатной квартире на одной площадке со мной, существует на одну пенсию, ему трудно, бедно, но исповедует старые принципы, то есть «работает со словом» и «подолгу собирает материал».

В то же время он не из старого племени кукушатников, что сейчас дало новую поросль уже на новых технологиях Интернета, компьютерных видеокниг. На съездах и конвентах эти new-кукушатники собираются, хвалят друг друга, раздают один другому премии, называют великими и величайшими, и пусть себе жизнь идет мимо, а среди читателей величайшими считаются совсем другие имена – мы просто

закроем глаза, а голову в песок... Увы, Томберг и здесь на отшибе. Черт, сердце щемит от желания помочь, а не знаю, чем.

Во всяком случае, не спорю и не возражаю, когда Томберг начинает говорить о необходимости работать со словом и выгравировать язык. Я не стал бы спорить и с теми, кто стал бы доказывать необходимость выделки кнутов или хомутов. Как оглобли или рессоры для карет ушли в прошлое, так и эта «работа со словом» уходит, только насчет карет до некоторых уже дошло, а вот насчет работы со словом еще не понимают. Хотя вроде бы то же «Слово о полку Игореве» даже арийцы-русские, что потомки этрусков, не в состоянии прочесть без словаря.

Все происходит у них на глазах, но так и не понимают, что уже в прошлом. И подобные взгляды, да и они сами. Переход на компы болезненнее, чем с телег и карет на авто. Тот переход растянулся на сотню лет. Я карет не застал, но телеги хорошо помню. И сейчас в дальних селах запрягают коней в повозки, что-то да перевозят. Так что некоторые фабрики или хотя бы мелкие артели все еще выпускают хомуты, уздечки, шлеи, оглобли и всякое там непонятное, для запрягивания или запрягательства. Или запряжения, неважно. А вот переход от бумажных книг к электронным свершился всего за поколение.

Да за какое поколение – за половину или даже четверть! Полпоколения вообще не знали о персональных компах. А

вот теперь без них ни шагу. Когда Томберг начал писать, о компах не слыхали. Когда он был в зените славы, персоналки пошли в широкую продажу. Но не прошло и пятнадцати лет, как бурный рост электронных книг начал вытеснять громоздкие бумажные. Резко упали тиражи. Измельчились гонорары. Сократился ассортимент, ряд жанров вообще исчез с книжных полок. Кому нужна справочная литература по компьютерам, программам, даже по ремонту автомобилей, если все это стремительно устаревает, а на сайтах информация обновляется постоянно?

Правда, в стране десятка два издательств, все еще выпускающих книги. Пятнадцать из них у нас, в Москве. Невероятно дорогие, пышные, с золотым обрезом и шелковыми закладками, уже и не книги, а некое украшение квартиры на любителя, как вот иные покупают и вешают на стены мечи, топоры, лапти. Книжные полки – те же лапти на стене и расписные деревянные ложки на кухне возле электрогриля.

– Петр Янович, – позвал я, – доброго вам здоровьичка!

Он обернулся, расплылся в улыбке.

– А, Володенька!.. Как поживаете?.. Ого, вам не тяжело такую телегу таскать?

– Гости у меня, – проямлил я, – встречу отмечаем, надо подготовиться. Как жисть, что слышно?..

– Да какие теперь новости?.. Еще одно издательство закрылось вчера. Да так страшно!.. Представляете, на складах штабели с книгами, так вот их даже не пытались продать хотя

бы по сниженной цене. Можно было бы хоть в электричках... Просто бросили все. Этого я не могу даже понять. Страшное время!

Я поддакнул:

– Да, тяжелое время... Кстати, я совершенно случайно наткнулся на редкое издание «Цветов зла» Бодлера. Загляните ко мне, я вам с удовольствием презентую.

Он всплеснул руками.

– Да что вы, Володенька?.. Как вам такое удастся?.. Я вроде бы знаю все букинистики и антикварные магазины Москвы... Где же она могла появиться?

Я засмеялся:

– Места знать надо!

Я пошел толкать свою тележку дальше, а он смотрел вслед добрыми беспомощными глазами. Я вырос в его глазах, ведь он по старинке обшаривает книжные магазины, пересматривает там все полки, работа для подвижника. Не стоит признаваться, что я просто заглянул в Инете в раздел редких книг, выбрал эти «Цветы», хотя там их хрен знает сколько, все спешат избавляться от этого хлама, тут же оформил заказ, и через пару часов посыльный уже звонил в дверь. Я принял книгу, оплатил ему заказ и проезд на метро, и то и другое – копейки. Во всяком случае, дешевле, чем купил бы в букмагазине.

На выходе из магазина я взял кое-что из прохладительного, все можно бы заказать и по Интернету, доставят тут же,

но все-таки иногда по старинке люблю смотреть на то, что покупаю, выбирать и даже перебирать на полке аккуратно упакованные в целлофан пакетики, вроде бы одинаковые, но все же, все же...

И мне, и Томбергу, и другим авторам бывало обидно, что книгу пишу полгода, а прочитывают ее за вечер. Но вот теперь я работаю над видеороманом два-три месяца, а прочитывают его, вернее – проходят не быстрее, чем за месяц-два. И то, если каждый день за экраном до полуночи. А если урывать по паре часов в сутки, то чтение, которое уже и не чтение, а сопереживание с героями, займет даже больше, чем написание.

Такая технология ударила по слабым авторам сильнее, чем пиратские размещения их текстов в Интернете. Видеокниг потребовалось в сотню раз меньше, чем бумажных, тех средний читатель покупал пятьдесят-сто в год, а видеокниги и десяток ему выше крыши. Потому теперь все тиражи, все гонорары, все внимание, что раньше расплялось на сотню авторов, сконцентрировалось на десяти. Я был в десятке бумажных, остался в ней и при переходе на видеокниги. Даже не просто в десятке, а в самой верхней ее части.

Глава 4

Группа детей на самом что ни есть солнцепеке окружила счастливого Барбоса, примеряет ему венок из цветов. Барбос счастлив, дети тоже. В отличие от взрослых, большинство из них безошибочно чувствует характер собаки, а грозная внешность... так все взрослые выглядят крупнее и сильнее, но не кусаются же.

Заприметив меня, Барбос заулыбался и помахал обрубком хвоста, но с места не сдвинулся, его окружили со всех сторон. Две пары родителей в сторонке оживленно беседуют, на детей ноль внимания. Одна пара – кавказцы, что удивительно, они панически боятся собак и детей приучили шараться. Но эти, видимо, уже обрусели. Даже омосквичились.

– Пора, – сказал я, подходя к детям. – Здравствуйте, господа. Позвольте увести этого крокодила.

– Это не крокодил, – запищал один.

– Это собачка! – добавил второй.

А третий сказал веско:

– Она добрая!

А кареглазая девчушка, что держалась за их спинами, добавила застенчиво:

– И красивая...

– Не гордись, – сказал я Барбосу наставительно. – Гордыня – грех.

С кучей полиэтиленовых пакетов я перешел на ту сторону улицы, асфальт размягчился, как воск, прогибается под подошвами. Барбос понесся впереди приветствовать велосипедистов и мамашу с коляской, все выходят из нашего подъезда, я тащился следом.

Подходя к дому, замедлил шаг, высматривая Благовещенского. Лучше встретить здесь, а то заявится в квартиру, от туда так просто не выставишь, придется угощать, что за дурацкий обычай у этих, как их, русских, к племени которых, увы, принадлежу и я сам. В сторонке от подъезда, но так, чтобы жильцам не ходить далеко, огромные контейнеры для мусора.

Я покосился на контейнер, доверху заполненный книгами вперемешку с пустыми пластиковыми бутылками, раздутыми пакетами с очистками и прочим сором. По статистике, только в мусорные ящики Москвы ежедневно выбрасывается около двух-трех миллионов книг. Конечно, выбрасывали книги и раньше. К примеру, устаревшие школьные учебники: изуродованные, растрепанные, изрисованные, но сейчас начали планомерно чистить домашние библиотеки и от сравнительно новых книг, именно это и дало ужасающую цифру в два-три миллиона три года назад, что через год возросла до десяти миллионов, а в этом году вообще начался обвал: сто миллионов книг в день!

Сто миллионов – это значит, что каждый житель Москвы ежедневно выбрасывает по восемь книг, но на самом де-

ле, конечно, многие вообще не имеют дома книг, так что это избавление от книг значит тотальное избавление от древних форматов бумажных книг и переход на электронные носители.

Примета времени: ежедневно прибавляется штук двадцать-тридцать книг. Наш дом – обычный дом, многоквартирный и многоподъездный. В нашем, к примеру, шесть подъездов. У каждого свой мусорный ящик. И в каждый ежедневно выбрасывают десятки книг. Таких домов в Москве тысячи и тысячи, десятки тысяч.

Я не раз видел, как Томберг, не стыдясь соседей, рылся в выброшенных книгах. Правда, ничего не брал, но всякий раз темнел лицом, хватался за сердце и говорил измученным голосом:

– Но это же... книги! Как можно? Я не понимаю, как можно?

– Богатеют люди, – сказал я однажды.

– Богатеют? – переспросил он. – Или беднеют?

Я понял, что он имел в виду, но кивнул, подтвердил:

– Богатеют. Теперь им мало домашних библиотек в тысячу книг. А современные носители позволяют держать дома все издания мира, все картины и все фильмы. Вот и... приобретают. А книги... книги чересчур громоздки.

Он прошептал:

– Но зачем же избавляться от настоящих? У меня тоже на диске вся Ленинская библиотека, вы мне ее скинули, но я

берегу и настоящие...

Потому, подумал я, что не открываешь электронные. Они тоже настоящие. Еще настоящее! А кто открывает, тот вскоре понимает, что держать в квартире эти старинные фолианты, собирающие пыль, все равно, что в современном гараже среди ультрасовременных автомобилей ставить карету. И четверку лошадей, за которыми еще надо убирать каштаны, кормить, лечить.

– Вы – исключение, – сказал я.

Он невесело улыбался, хороший и мудрый старик, но, к сожалению, вся его мудрость ограничена тем, уходящим веком. Там он знает и понимает все, а чего и не знает, то чувствует интуитивно точно, нового же века инстинктивно боится.

Сейчас у контейнеров пусто, а других энтузиастов, спасающих книги от варварского уничтожения, что-то не видно. Конечно, они есть, кто-то роется, подобно Томбергу, но это возле других домов. Не так уж и много на свете томбергов. Я так же невесело смотрел на мусорный контейнер, Барбос убежал на газон, оттуда посматривал на меня с опаской: не закричу ли это самое противное: «Барбос, домой!», торопливо носился по траве, вынюхивал запахи.

Издали раздался горестный крик:

– Володя, прости, опоздал!.. Ну вот такой я опоздун, хоть убей!.. Ну, хошь, на колени встану!

Благовещенский шел размашистой походкой, почти бе-

жал, в самом деле запыхавшийся, словно до встречи со мной успел заскочить еще к кому-то и стрельнуть баксов.

Я молча достал из нагрудного кармана полсотни, Благовещенский радостно заулыбался, видимо, побаивался, что передуваю, вскричал:

– Вижу-вижу, куда обращен твой взор!.. Гибнет культура, да, Володя?..

– Гибнет-гибнет, – подтвердил я.

– А с нею гибнет и весь мир, – сказал он патетически.

– На, – сказал я, – держи.

– Спасибо, Володя, – сказал он с чувством. – Есть же люди, поддерживают нас, людей культуры, в трудный час! Ты один из таких великих людей. Как тебе удастся выживать к этом мире, не знаю, может быть, по ночам старушек топором, но главное ведь в рыночном мире не кого убиваешь, а куда деньги вкладываешь, верно? А ты вкладываешь в святое дело...

Я промолчал, очень немногие знают, что в жанре пасбайм я на вершине списка. Шумиха мне ни к чему, для своих коллег я остаюсь старорежимным писателем-текстовиком, никому не рассказываю, что я и есть тот самый гад, что клепаёт интерактивные романы, псевдоним надёжно закрывает от просто любопытных, а свое имя поставлю на Главной Книге. Я вошел в десятку сильнейших авторов еще в эру бумажных, как раз, когда перед их закатом был кратковременный расцвет. Скромно замечу, что свою лепту вложил и я, пер-

вым в мире введя в художественный текст смайлики и прочие иероглифы и пиктограмки. Раньше они были невозможны, потому что буквы отливались из свинца, процесс печати непрост, очень непрост, я еще застал то время и с содроганием вспоминаю жуткие времена, чуть ли не средневековые, что, по сути, и есть средневековые: процесс печати в двадцатом веке был практически тот же, что и у Гуттенберга. Потом же, с приходом компьютеризации, каждый автор уже мог сам придумывать особые значки и вводить в текст, как сам создавать свои шрифты, менять начертания уже привычных.

Когда книги начали переводить в электронную форму, смайлики стало возможным делать уже не застывшими, как на бумаге, а подмигивающими, кривляющимися, показывающими язык или делающими рожки. Авторы начали использовать звуковые и световые эффекты для оформления. Иллюстрации стали живыми, изображения начали двигаться, рубиться мечами или целоваться. Пространство для текста все больше суживалось, наконец осталось только для коротких комментариев, самых необходимых, но я исповедовал принцип, что любые комментарии – это таблички на дереве с надписью «Дерево», потому отказался полностью, все надо уметь выражать в действии, жесте.

Благовещенский даже на смайлики перешел запоздало: они уже из смайликов плавно переходили в импы, а он только-только осваивал первые улыбочки, что и дали название самим значкам, хотя смайликами потом назывались даже вот

такие значки, к примеру:

(...!...) – жопа обыкновенная

(.....!.....) – жирная

(.....) – плоская

(!) – тощая

{...!...} – шикарная

(...*...) – геморройная

(...zzz...) – усталая

(...?...) – безмозглая

(...о...) – пользованная

(...0...) – много раз пользованная

(...\$...) – новорусская

(...х...) – поцелуй меня в жопу!

(...X...) – оставь мою жопу в покое!

Старшее поколение морщилось, называло это то андергаундом, то маргинальной культурой, но могучая орава значков вторглась в крохотную тридцатидвухбуквенную группку и почти поглотила их в своей стотысячной массе. Пришлось со значками считаться всем, даже самым высоколобым консерваторам, а пока они осваивали эти дополнительные значки, усиливающие выразительность текста, я уже перешел на полную, как поначалу называли, за неимением термина, кинематографичность. Потом утвердилось название пасбайм, то есть пассивных байм, в отличие от просто байм, где игрок с самого начала полный творец мира и хозяин своей судьбы и судеб всех встречных.

Другие авторы перешли на пасбаймы позже, перешли вынужденно, куда денешься, читательский спрос диктует форму изложения. Не хочешь – выбирай другую профессию.

Так что сейчас книги состоят из импов – богатейшего набора символов, картинок, звуков, и это уже молодым ребятам почти что привычно. Это не тридцать две буквы! Уже в самом начале перехода на импатику были тысячи и тысячи сэмплов, а теперь пишущие оперируют набором в сотни тысяч, миллионы знаков, изображений, звуков. На подходе вибротактильные символы, феромоновые, если на пальцах – запаховые, а затем и вовсе галлюцигенные, прямо воздействующие на нервную систему.

Благовещенский быстро спрятал деньги в карман, а сам тараторил и тараторил, и все про высшую роль культуры, про ее истинную непроходящую ценность, про ее величие и значение... Как хорошо понимаю тех, кто при слове «культура» хватался за пистолет!

– Ты в ЦДЛ сегодня пойдешь? – спросил он наконец.

– А что там?

– Презентация нового сборника стихов Тишкевича!

– Ого, – удивился я. – Издали?

– Ну, не совсем... В Интернете разместил.

Я вспомнил Тишкевича, одного из самых тупоголовых консерваторов, до последнего клял засилье техники и всевластие Интернета.

– И уже презентация? Раньше размещение в Интернете

вообще публикацией не считали...

– Смотря какая публикация, – сказал он торопливо. – Придешь? Клянусь, не попрошу меня угостить ведром черной икры!

Я отмахнулся.

– Извини, работать надо. Бывай!.. Барбос, домой, домой, не прикидывайся глухим.

Я почти вбежал под козырек, обливаясь потом, а когда открылась дверь, вдвинулся тамбур, мокрый, будто меня обрызгало из поливочной машины. В тамбуре вообще прохладно, работает кондишен, но Барбос все равно плелся недовольный, не успел обнюхать весь район.

Импатика, как ни странно, несмотря на все ее богатство, пробивалась долго и трудно. У книги есть то неоспоримое преимущество, которое не могли отобрать ни кино, ни телевидение, ни даже баймы: она интерактивна уже по самой природе букв, этих крохотных символов, таких невзрачных, таких простеньких, таких обезличенных самих по себе.

Читающий книгу сам творит себе фильм, даже не фильм, а целый мир: создает пространство, населяет его персонажами, общается с ними. Что создает именно каждый читающий, видно уже из того, что по одной и той же книге каждый лепит нечто личное. Если в фильме все для всех одинаково, то в книге фраза: «Вошла красивая девушка», все сорок тысяч человек, купивших книгу, рисуют себе сорок тысяч разных красоток: худых, толстеньких, рослых, дюймо-

вочек, стриженных, длинноволосых, блондинок, брюнеток, с мощным выменем или вовсе без сисек, нордических, монголоидных, с кольцом в носу или без...

Я первый придумал паллиатив: начал создавать ветви сюжета. После обязательной для всех первой сцены давал вариант, условно говоря, «да или нет», а затем разрабатывал каждый в отдельности, а там давал возможность выбирать еще и еще. Таким образом, читатель мог выбрать вариант действия, как бы поступил именно он, и потому к финалу книги каждый приходил с закономерным результатом.

Конечно, это не сорок тысяч миров, как при чтении письменной книги, больше чем просто на сорок разных ветвей у меня сил не хватало, но и то для большинства авторов просто недостижимо: едва-едва набирают три-четыре непротиворечивые концовки. Правда, сорок тысяч и не требуется. На самом деле разброс вкусов не настолько велик, как кажется. В этом убеждается каждый автор, поставивший книгу в Сеть или же выслушивающий комментарии к уже вышедшей из печати.

Сперва все отзывы выглядят яркими и свежими, потом начинают повторяться, а затем уже свежая мысль или пожелание вообще редкость, наконец, автор видит, что все его читатели укладываются в десяток, если не меньше, четко очерченных категорий. Вкусы и пристрастия, увы, у большинства одинаковы. Чтобы услышать что-то иное, надо вообще сменить жанр, написать нечто рассчитанное на принципиально

другую аудиторию.

Конечно, видеокниги потеряли многое из того, что присуще книгам: метафоры, многозначность слов, иные толкования уже известных символов, что позволяет создавать намеки, юмор оттенков, но зато приобрели то, чем отличается век нынешний от всех веков предыдущих: огромное, просто невообразимое количество информации, вбитой в каждый текст! На этом фоне потери буквенных метафор не больше потерь умения плести кнуты или разжигать огонь трением. Да, современный человек не умеет ни того, ни другого, но кнут ему без надобности, огонь зажжет от зажигалки, зато сохраненные время и усилия потратит на что-то более полезное.

Барбос первым врывается в квартиру, делая вид, что ноги можно не мыть, чувствует, когда в самом деле эту процедуру прыганья в ванну можно пропустить, ринулся к миске, оглянулся с укором.

– Щас, – сказал я. – Тебе бы только жратаньки!

Зато не пью, ответил он мне взглядом. Наша собачья нация не спивается, не вымирает.

– Погоди, – сказал я миролюбиво. – Сейчас себе сделаю... и тебе.

Он прошел к дверям ванной, рухнул на бок и сразу же задышал хрипло, громко, внутри начало сипеть, стонать, рычать. Не подхватил бы воспаление легких на сквозняке в та-

кую жару. Даже не отодвинул лапу, когда я пошел в комнату, тем более – не сунул любопытную морду в пакеты, я всегда покупаю что-нибудь и для него: вяленые свиные уши или сахарные косточки.

– Зайчик, – сказал я, на блоке вспыхнул зеленый огонек, послышалось легкое ворчание. Раньше комп включался по слову «комп», но я часто употреблял это слово в разговоре и потому нередко, разговаривая по телефону, слышал за спиной щелчок и басовитое гудение разгоняющегося проца.

Мне показалось, что от ящика пахнуло волной тепла. Это зимой я его не выключаю, но сейчас, в такую жару, жму на слипер сразу же, едва подниму зад со стула. Даже крохотный кулер нагревает воздух.

– Диск дэ, ворк, «На взлете»...

Операционка закончила тестировать, ловить вирусы и убирать спам, на экране высветился чистый лист со скромным названием «На взлете» и подзаголовком «Новый роман. К Новому году – сдать!!!». В уголке табло кондишена сообщило, что из-за включенного компьютера температура в помещении поднимется на ноль-ноль три градуса, так что придется по дефолту увеличить расход энергии на охлаждение до установленной температуры. Подтверждения не требуется, это так, мол, просто сообщение для памяти, чтобы потом не говорили, что кондишен прожорливый, энергии жрет все больше...

Я сбросил одежду и шагнул в душевую кабинку. «На взле-

те» будет совершенно новое... идея же есть, тема есть, наступает самое гнусное – придумать и разработать сюжет. А это надо сделать еще в то время, пока дострагиваю, как папа Карло, предыдущий роман о моих рыцарях... где тоже неожиданностей на пять романов среднего автора.

Глава 5

Через полчаса звонок в дверь. Я открыл, Томберг, это деликатнейшее интеллигентное существо, едва не отпихнув меня, устремился в кабинет. И, как всегда, затормозил, на лице – смятение, что переходит в сильнейшее отвращение. Это еще ничего, малость привык, раньше будто натыкался на заплывающую стену. У каждого уважающего себя писателя... так говорят, а на самом деле с самоуважением здесь ничего общего, правильнее сказать: у всякого, кто желает, чтобы его принимали за солидного писателя, образованного человека и вообще тилигента, дом всегда заполнен книгами. Кроме книжных шкафов, хозяин вешает дополнительные книжные полки, занимая ими все стены, это якобы сразу говорит в его пользу.

Но в моей квартире нет ни одной книги. Это всегда шокирует гостей. Даже тех, кто заходит не впервые. Да и потом привыкают очень неохотно, а то и вовсе не могут. Просто не могут. Даже те из писателей, кто давно перешел на комп и создает электронные книги, все равно сохранили эти огромные нелепые полки, что гнутся под тяжестью множества книг.

Хозяину приходится то и дело проходить по ним с пылесосом, глотать таблетки от аллергии, но эти старинные издания... уже старинные, пусть даже выпущены в этом году, продолжают надменно смотреть с книжных полок, из-за сте-

кол шкафов, даже с антресолей. У двух моих знакомых такие книжные полки прибиты даже в прихожей, из двух комнат почти вытеснили хозяев: по всем трем стенам эти полки от пола до потолка, книги в три ряда, а вбиты так плотно, что ногти обломаешь при попытке вытянуть. Я один раз пытался ради интереса, но решил, что хозяин для надежности склеил корешки. Или же корешки склеились сами от тесноты, духоты и высокой температуры.

У меня даже стол не как у людей, а так называемый компьютерный. На самом деле это такой же стол, только чуть-чуть более приспособленный. На нем удобно поставить монитор, расположить клавишу, мышку и ящик процессора. Да еще сверху и по бокам есть такие узенькие полочки, куда могли бы поместиться разве что книги-малютки. Это для лазерных дисков, там даже есть такие специальные бороздки, точно по дискам. На верхней полочке поместится сотня дисков, и на вертикальных – по семьдесят штук.

У меня на верхней всего два десятка дисков. Один из них – все энциклопедии мира, в том числе и в фильмах, на втором – все книги мира, включая Ленинку и библиотеку Конгресса США, на третьем – все фильмы, начиная с «Прибытия поезда» и до самых последних новинок. Надо сказать, что первый и второй диски заполнены едва ли на треть, диск с фильмами почти полон, скоро можно начинать заполнять второй. Четвертый диск – все компьютерные игры, этот не заполнен и на сотую долю объема... Остальные диски – пу-

стые. Вертикальные полочки вообще зияют пустотой, там нет даже пустых дисков. Словом, не так уж и много накопило человечество культурной информации, если все-все написанное и созданное им, начиная от наскальных рисунков и глиняных табличек и до писанины графоманов в Интернете, – уместается на узенькой верхней полке моего стола!

Сам по себе компьютерный стол – гордость современной мысли дизайнеров. Но я вспоминаю первые модели автомобилей, почти точные копии карет и понимаю, что совсем скоро этот компьютерный стол отойдет от привычного стола еще дальше, чем автомобиль отошел от облика кареты. А человек за ним, может быть, будет не сидеть, как вот сейчас я, а будет лежать или висеть. Может быть, даже подвешенный за ногу, хе-хе, кто их знает, потомков.

Томберг уже ухватил заветную книгу, жадно щупает, едва ли не лижет. Пальцы вздрагивают, но листает бережно, почти благоговейно, так бы листал неопит впервые попавшую ему в руки Библию с пометками самого Иисуса Христа.

– Господи, – сказал он почти шепотом, – я даже не знал, что существует и такое издание... Это же совершеннейший раритет!.. Это же подлинное сокровище...

– В том магазине этого не знали, – сообщил я гордо.

– Невежественные люди, – сказал он с жаром. – Как таких допускают к работе с книгами?.. Это просто варвары.

– Но мне это сработало на пользу!

– Да, но... эти люди могут не принять на комиссию цен-

ные книги, а взять никчемнейшие боевички...

Он говорил и говорил, красиво и пафосно, а я криво и терпеливо улыбался, переживал. Спорить и доказывать что-то бесполезно. Он убежден в своей правоте прежде всего потому, что «все так думают». В это «все» входят не всякие там дворники и вечно пьяненькие водопроводчики, а только элитные книгоманы и книголюбы, которые забыли, что книга – это источник знания, радости, наслаждения, катарсиса и прочее, прочее, для них книга – это бумага, переплет, капитал, шрифт, рисунки, правильное расположение букв. Как если бы я вот ценил вот эту упаковку от пачки кофе больше, чем сам кофе, или покупал бы хорошо оформленные пакеты с молоком и ставил на полку, любовался ими, покупал еще и еще, заполнил бы ими все свободные места в доме.

За окном хлопнуло, в воздух взвилась, рассыпая бенгальские огоньки, ракета. Радостно закричали ребятишки. Я ско-сил глаза, видел, как они собрались на крохотном зеленом пятачке перед домом, устанавливают еще одну шутиху. Маленькие совсем, подростки, трое мальчишек и две девушки. У двоих на поясах пейджеры, у одного мобильник. Теперь мобильники принимают и отправляют емэйлы, на крохотных экранчиках можно поиграть в компьютерные игры, даже продвинутые, вон мимо проехал «мерс», там гидроусилитель руля, встроенный комп, спутниковая навигация, все навороты... По улице бесшумно прокатил длинный, как гусеница, автобус, над проезжей частью горят электрические

лампы...

...а эта чистая душа зудит, что я должен свято относиться к буквам! К буквам, которые придумали финикийцы или еще какие-то вымершие народы, что не видели всего этого сверкающего великолепия современного мира. К буквам, которые выбивали на скалах, чертили на глиняных пластинках... И вот я должен только ими пользоваться в своем современном мире, полном самолетов, лент шоссе, скоростных машин, авианосцев, космических кораблей, тех же компьютеров, Интернета! Идиот, добрый, хороший, замечательный идиот. Красивый, благородный, возвышенный и очень симпатичный мне идиот с так называемым высшим образованием. Для идиотов этот диплом как бы индульгенция на непогрешимость и выставление своего мнения, как единственно верного.

Нет, как чешет этот миляга, как чешет! Чувствуется, даже сам не думает, что говорит. Думал бы, запнулся бы хоть раз. Я, кстати, к буквам отношусь как раз свято, как к боевым ветеранам, что тысячи лет воевали, истекали кровью, упорно защищали культуру, сохранили и передали нам. Но мы будем полными ничтожествами, если так и не возьмем ношу на свои плечи, не отправим ветеранов на заслуженный отдых. Я, например, уже взял. У меня старые буквенные книги хранятся на сидюках, цифровая запись, там они вечны, страницы не выгорят на солнце, капитал не истреплется. А культуру развивают и несут дальше в тысячи раз более мощные и ем-

кие единицы информации – импы. Не враги буквам, а всего лишь их потомки. Более развитые. Как вон тот стремительный «мерс» не скрывает, что он – потомок тихоходной кареты. А вон тот пронесшийся «Икарус» – потомок вместительной телеги.

Я кивнул на плиту:

– Кофе, Петр Янович?.. По чашечке?

– Да я и так вас отрываю, Володенька...

– Ничего, – заверил я, – у меня как раз перерыв. Писатель ведь и думать должен, не только же писать?

– Да-да, совершенно верно...

К кофе я сделал бутерброды с икрой, постарался побольше, Томберг смущался, отнекивался, но раз согласился на кофе, то придется освоить и бутерброды, а что великоваты, так это мой промах, не умею делать изящные, руки кривые. Мы пили кофе, крепкий, ароматный, Томберг все косился на мой раскрытый ноутбук, осведомился в который раз:

– А я вам точно не мешаю работать, Володенька?.. У вас компьютер включен...

– Сам отключится, – отмахнулся. – Он такой, еще три минуты, и сперва – скринсейвер, потом вовсе слипер. Просто с ноутбуком несколько удобнее...

Томберг отхлебывал кофе мелкими бережными глотками. Глаза его время от времени бросали уважительные взгляды на этот навороченный ноутбук.

– Я помню, – сказал он с благоговейным ужасом, – как

совсем еще недавно пересел с пишущей машинки за клавиатуру компа! Сперва барабанил, как и на машинке... Где-то с год, честно! Лишь потом как-то осмелился поэкспериментировать в том же текстовом редакторе... Ну, увеличил-уменьшил размер гарнитуры, сменил пару раз сам шрифт, попробовал разные...

Я спросил с почтительным интересом:

– А что, до этого не пробовали?

Томберг признался:

– Нет. Боялся. Понимаете, на машинке шрифт и размер букв не поменяешь... А комп казался страшной штукой. Помните, как чуть что, я вопил: Володенька, помогите!.. Вы являетесь, аки ангел, и говорите, вздыхая, что надо, мол, вытащить дискетку из дисковод, тогда и загрузится... Или, что я ногой выдернул шнур под столом, потому комп не включается... Словом, осмелел, начал пробовать, что за страшные такие опции, как «Буквица», «Правописание», «Автоформат»... И вот тогда-то как обухом ударило... А ведь, подумалось, автор теперь может сам не только набивать текст, но и участвовать в оформлении своей книги! Сам может верстать, сам готовить ее такой, какой хочет видеть, и в таком виде сдавать уже в типографию. Надобность в издательстве отпадает вовсе! Я имею в виду издательских техредов, корректоров, огромное число технического персонала, что с линейками в руках толпой доводят рукопись до того момента, когда ее можно нести в типографию. А у меня это все дела-

ет комп. Вернее, я сам с помощью компа. Все технические редакторы, очень важные и высокооплачиваемые персоны в издательствах старого типа, отмерли, вы очень верно говорите, как извозчики или изготовители кнутов!

Я слушал с вялым интересом, старые пердуны всегда любят порассказывать о своих дремучих временах, но Томберг не просто старый пердун, он в самом деле автор божьей милостью, которого я в детстве читал с жадностью.

Томберг вдруг прервал себя на полуслове. Взглянул внезапно помрачневшими глазами.

– Володенька, но что же дальше?.. Что дальше?

– Жизнь, – ответил я.

– Но как же... Как же?.. Я уже сам – издательство, а типография – всего лишь печатный станок. Там печатают то, что я принесу. И что оплачу, естественно. Уже это страшно... Но ведь книгу теснят со страшной силой! Теснило кино, потом – видеомагнитофоны, компьютерные игры, теперь фильмы на дисках. Говорят, уже появились какие-то видеокниги. Я слышал о них в новостях, но, признаться, так и не понял.

Я сказал осторожно:

– Все развивается, Петр Янович.

– Но не регресс ли это?

– Полагаю, нет.

– Вы уверены? Ведь с развитием техники природа человека лучше не стала!.. А вот ухудшиться – ухудшилась, это не только я говорю.

Все больше народу, мелькнуло у меня в черепе, переходит на чтение с экрана. Писатели отчаянно увеличивают количество выпускаемых романов, чтобы как-то прокормиться. Понятно, качество падает. А потребители все больше и больше предпочитают сперва просмотреть в html, а уж потом покупать самое лучшее. Сперва это была одна книга из десяти, потом из ста... А когда дойдет до того, что читатель начнет покупать одну из тысячи прочитанных в Интернете, то книгопечатание умрет полностью. Как и писатели старой формации.

Вдруг он едва не поперхнулся остатками кофе. Глаза стали круглыми.

– А сегодня я еще одно гадкое слово встретил, – сообщил он потрясенным шепотом. – Инфисты!.. Разрастается букет из сорняков дурацкого новояза!

Я смолчал, отстают Томберг. Это слово придумал я, чтобы не употреблять длинное словосочетание «специалисты по информационной войне». Сперва я экспериментировал со словами: «информбоец», «информсолдат», но, во-первых, мы не солдаты, а суперпупергенералы, во-вторых, все равно хреново. А «инфист» неожиданно прижилось, тем более что странным образом распадалось на два английских слова «ин» и «фист», что порождало толкования и замысловатую многосмыслицу, иногда весьма игривую.

Уже через неделю после появления моей статьи с этим термином я встретил его в работе известного профессора

Завадского, а еще через месяц его употребляли всюду, как ставшие привычными: драйвер, хард, софт, чип, оцифровка, Инет... Сейчас слово «инфист» знают и пользуют уже во всем мире.

Томберг аккуратно опустил пустую чашку на блюдце, поднялся.

– Спасибо, Володенька, и доброй вам ночи.

– Книгу не забудьте, – напомнил я.

– Володенька, я не могу принять от вас такой подарок...

– Я взял за копейки, – напомнил я. – Взгляните, там впереди лэйбл с новой ценой.

– Но все равно это великая ценность!.. Господи, эти варвары оценили, как выброшенные тапки!

Я отмахнулся.

– Петр Янович, я в стихах полный нуль. Мое пристрастие – философия, этика, религия. А это, сами понимаете, совсем другие люди...

Уже на выходе в прихожую он обернулся, книга прижата к груди, погрозил пальцем.

– Философия – тоже книги. Так что не отгораживайтесь, мы – одни и те же люди.

Он бросил взгляд на экран моего ноутбука. Я шепотом подал команду, скринсейвер исчез, высветился текст, обычный текст, как в книгах. Томберг не догадывается, что автор самых ходовых видеороманов как раз я, его сосед. Именно я вольно или невольно хороню остатки прежней книжной

культуры, милой, наивной и допотопной.

Сейчас там на экране текст романа «Мертвые души», шрифт крупный, чтобы Томберг сразу увидел, что читаю классику, а не современную порнуху, уважаю классиков, держу классиков на видном месте, время от времени перечитываю. А вообще слово «классики» произношу часто и всегда уважительно.

Томберг, однако, посмотрел на меня с мягкой укоризной.

– Но как можно читать с экрана? – воскликнул он и добавил патетически: – Не понимаю!.. Просто не понимаю, уж простите великодушно. Это же... это же нелепо! И глаза портятся.

Я покачал головой.

– Это старые представления. Помните большие безобразные мониторы, что едва помещались на столе, похожие на телевизоры?.. Вот те – да, могли влиять на зрение, если, конечно, пялиться на экран неотрывно по двенадцать часов. Ведь что такое тот экран: это та же лампа! А нынешние, жидкокристаллические, построены по другому принципу. На глаза уж никак не повлияют.

Он воскликнул еще патетичнее:

– Но а сама эта штука, этот бездушный элбук? Я хочу держать в руках именно шуршащее страницами, пахнущее типографской краской, чувствовать твердый переплет, который открывается, как раковина нежнейшей устрицы, а там дивное лакомство форзаца, дальше смотрю на титул, уже

предвкушая все наслаждение пиршеством, уже слюньки текут, уже страницы шуршат, я слегка сгибаю страницы и бегло пропускаю под пальцами, как опытный картежник, что тасует колоду карт, но не позволяю глазу ухватить хотя бы слово, чтобы не иметь ни малейшего представления о том, что там будет в середине действия, а вы же знаете, какая хитрая штука наш глаз: может при любой скорости выхватить слово, а то и фразу, что сразу раскроет тщательно упрятанный замысел хитроумного автора...

Он задохнулся, сглотнул слюну, кадык дернулся, глаза смотрели мечтательно в пространство, а пальцы нервно дергались, я видел, что они бережно гладят корешок, трогают торец, прощупывают наличие каптала.

– Вы так хорошо рассказываете, – признался я, – что я просто все это увидел!

– Но а как же иначе? – воскликнул он. – Как же?.. Я люблю, я обожаю книги!.. Я вдыхаю их запах, как женщина вдыхает самые изысканные духи. Я смотрю на ряды их корешков, как на лучшие в мире картины, скульптуры или... да что угодно, когда-либо созданное человеком, природой или Творцом! И как от этого дивного мира отказаться?

Я промолчал, любуясь его раскрасневшимся вдохновенным лицом. Я казался себе человеком, приехавшим на первом автомобиле, дребезжащем и отчаянно чихающем отвратительным бензином, к зданию театра, где уже ждут окончания спектакля роскошные и элегантные кареты, коляски,

дрожки. Мой автомобиль, понятно, – это слепок с кареты, только вместо коней там впереди примитивный мотор, что шумит страшно, дребезжит, гремит, во все щели вылетают капли грязного кипящего бензина, обжигают кожу и непорочно пачкают одежду. Благородные кареты сторонятся меня, грязного и нелепого, а господа, выходя из здания театра, смотрят с недоумением и брезгливой жалостью, как на недоумка. Ну кто же сядет в такие вот чудовища, где нет приятного и привычного запаха конского пота, поскрипывания конской сбруи, покачивания на высоких рессорах, шелканья кнута извозчика?

Нет, мелькнула у меня мысль, я уже не на таком авто. Такими были первые бытовые компы, двести восемьдесят шестые, где и монитор крохотный, и сеточка перед ним предохранительная, но зато появились первые тексты, которые можно читать с экрана, хоть и ломая глаза, зато экономя на покупке книги...

– Такие экраны берегут зрение, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Как?

– Можно увеличить шрифт, – объяснил я. – Вы это уже делаете, не так ли?.. Можно сделать подложку другого цвета, белый иногда режет глаз... Вообще можно приспособливать для чтения разными способами, а вот с книгой только, увы, очки!

Он спохватился:

– Самые отвратительные гости, которые задерживаются в прихожей! Извините, Володенька.

Я закрыл за ним дверь на обычный засов, к электронным можно подобрать ключи, гаркнул, почему-то злясь:

– Инет!

Глава 6

Над Москвой глубокая ночь, но на столбике термометра все еще тридцать. Даже с хвостиком. Я все же открыл окно, выглянул, это называется хлебнуть свежего воздуха, но, понятно, в современных квартирах теперь намного свежее и чище. Так, традиция. Выйти, подышать бензином и прочими загрязнениями, сказать дежурную глупость о здоровой прогулке.

Барбос отправился в прихожую, сдернул с кронштейна поводок и принес мне. Коричневые глаза смотрят с укором. Может быть, и без укора, но почему-то глядя в собачьи глаза всегда чудится в них укор. Будто в чем-то виноваты перед нашими меньшими братьями. Может быть, в том, что мы все умеем, а они нет?

– Ладно-ладно, – сказал я, – только недолго. Возле дома. Я не могу позволить себе длительные прогулки, понял?

Он посмотрел обидчиво, вот и попробуй скажи, что собаки хоть чего-то не понимают, вытянул шею, чтобы я быстрее надел ошейник.

После короткой прогулки, когда Барбос в бешеном темпе побегал по газонам, изредка исчезая за гаражами, я вернулся, помыл паразиту лапы – то ли не научится, то ли хитрит, перед глазами уже поплыли образы. Диван подо мной мягко прогнулся, монитор послушно развернулся в мою сторону.

Я еще застал клавиатуры, которые соединялись с компами такими короткими проводами, что приходилось сидеть прямо перед экраном... Да ладно, тогда и экраны были такими крохотными, что с дивана хрен что рассмотришь.

Раньше, помню, поздно вечером в Инете всегда был наплыв юзеров, скорость резко падала. После полуночи, когда льготный тариф, вообще не удавалось пробиться в Сеть: линия всегда забита. Сейчас же смешно вспомнить те скорости, забитый трафик, трудности дозвона. После диалапа пришли выделения, спутниковые, Интернет-2, оптоволокно и, наконец, флеш-спринт, при котором я трехсотгигабайтный фильм скачиваю за треть секунды. Да и то бурчу, что медленно.

Поработав с дивана, потащился на кухню, пора бы бутербродик, снова голосовыми командами попрыгал по сайтам. Все еще чувствую неясную вину перед Томбергом, хотя это не я перевел все философские труды в цифру, так что философия для меня – совсем не книги, а познание смысла бытия и целей жизни.

На моем сайте идет жаркое обсуждение на тему, какой пляж в Москве чище, я просмотрел заглавные постинги, заглянул на пару новостных серверов, пробежался по игровым, а в заключение заглянул на сайт «Вся-вся фантастика». Там на форуме дискуссия о какой-то книге, суть спора вскоре была потеряна, флеймисты обвиняли друг друга в неграмотности, в дурости, в самопиаре, потом кто-то заорал, что под

таким-то ником пишет сам Владимир Факельный, потому и защищает такую гниль, тут же несколько голосов поддержали, ага, мол, в самом деле Владимир Факельный под ником, даже под двумя, тремя никами, его стиль, его фразы.

Я прочел внимательно, мелькнула даже мысль написать зло и ядовито в ответ, но тут же остыл и пошел на сайты софта в поисках новых скинов. Странно, эти недоумки на «Всей-всей фантастике» в самом деле уверены, что это я там у них на форуме с кем-то лаюсь, доказываю, исхожу слюной и злобой, пытаюсь переубедить или переспорить какого-то первоклашку, что пишет «извеняюсь» и запятые расставляет наугад.

Хотя нет, не странно. Конечно же, любому из недругов хотелось бы стукнуть по голове Самого, потому и высматривают среди своих оппонентов по Сети: нет ли Его под ником? И радостно накидываются на подозреваемого, не понимая самого механизма творчества. Вот я делаю роман, он стреляет сразу огромным тиражом, поражая первым же выстрелом сто тысяч человек. И потом, когда я перейду к другому роману, буду заниматься совсем другим проектом, оставленная пушка по-прежнему будет стрелять, как стреляет, скажем, мой «Юзверь», стреляет вот уже десять лет, с каждым выстрелом поражая огромные площади и, чего лукавить, принося новые гонорары.

Но находятся наивные, которые уверены всерьез... или все же прикидываются?.. что я вот это время, которое мог

бы затратить на написание нового романа, хожу по форумам и гавкаюсь с ними поодиночке? Нет, у этих ребят мания величия!

Дело даже не в том, что жаль времени. Время бы нашлось. Но спор с одним человеком так же эмоционален, как и с тысячей. Если я влезу в спор на конфе, то это будет отвлекать от романа... любого романа, не говоря уже о Главной Книге!.. больше, чем бомбежка города юсовскими самолетами. Я буду просыпаться с мыслью не о том, как отправить звездолет с планеты А на планету Б и помирить принцессу с Конаном, а как поядовитее ответить оппоненту, сумевшему меня уесть вчера... Зачем? Я отвечу романом. Сразу, вместе с тем оппонентом, вогнав в землю по уши и еще тысяч десять моих недоброжелателей и порадовав сто тысяч моих друзей. Не забывая о том, что за книгу платят, а за гавканье на конфах можешь только получить инфаркт в мои неполные сорок лет.

Козе ясно, что на литературные форумы ходят, помимо фэнов, и сами литераторы. Особенно те, кто страстно желает, чтобы о них говорили, их обсуждали, их книги раскупали... Понятно, что сами заводят о себе разговоры, благо почти все форумы позволяют заходить под разными никами, спрашивать о себе и тут же отвечать от имени другого читателя. Новички начинают себя расхваливать, а более тертые стараются так уж явно не подставляться: две трети в своих постингах отводят на похвалу, а треть пускают на сдержанное поругивание.

Понятно, что наипервейшая цель такого завоевателя места под литературным солнцем – низвержение идиолов. А я – уже идол. Если я по какой-то дури напишу что-то на форуме, то на каждую мою реплику такой завоеватель ответит под десятком ников, и везде от имени «критика», «читателя», «библиотекаря», «книжника» и прочих – он облает, выставит на посмешище, и создастся впечатление, что все, читающие мои книги, плюются от них, а меня *все* считают не иначе, как придурком, тупым ремесленником и прочее, прочее.

Посему всерьез литературные форумы принимать нельзя, а для несерьезы у меня есть закладки на сайтах игр, юмора, порно, новинок музыки и видеоклипов.

Глаза начали слипаться, а буквы поплыли по экрану. Сейчас бы встать, сделать два шага и рухнуть на кровать. Может быть, еще успею помечтать, как спасаю мир. Это хорошее начало сна, мысли ползают все медленнее, я спасаю мир от Юсы, от нашествия динозавров, от вторжения инопланетян, предотвращаю ядерную катастрофу... Иногда продолжаю какой-нибудь недавно увиденный фильм и всякий раз убеждаюсь, что во мне дремлет ко всему еще и гениальный сценарист с режиссером: никто не додумался еще спасти мир так лихо, так круто и так увлекательно...

И засыпаю легко и счастливо. В случае таких грез перед сном не бывает ночных кошмаров, несварения и прочих гадостей, а просыпаюсь свеженький, как муромский огурчик.

Правда, чаще всего после работы и перед сном я ловлю

себя на привычной слабости: врубаю какую-нибудь новенькую рилтаймовую, начинаю строить свой мир, а там уже и не замечаю, как наступает утро. Конечно же, я баймлю практически только в рилтаймовые: для писателя это самое то – создаешь свой мир буквально с нуля, обычно это из каменного века, развиваешь все технологии, расселяешь народ по материку и отправляешь экспедиции на кораблях через моря и океаны, основываешь колонии на островах и других континентах, деревни превращаешь в города, создаешь новые учения, в интересах науки теснишь религию, но и ее не забываешь – она стержень любого народа, общаешься с соседями, дружишь во имя безопасности или торговли, иногда дружишь против кого-то, вступаешь в конфликты за земли, торговые пути, источники богатства, как то: богатые залежи железа, золота, серебра, а попозже – нефти.

Мы все то же самое проделываем с начала цивилизации: Гомер так же вел войска на осаду Трои, десять лет штурмовал ее, пока не взял и не разграбил, а потом в сиквеле успешной баймы долго квестил уцелевшего героя домой, преодолевая множество препятствий, вступая в схватки, побеждая где умом, где силой, а на последнем левеле, как водится, по законам жанра его ждал самый лютый бой с самыми главными противниками.

Да почему только писатели: мы все, все человечество, время от времени живем в баймах. Только у абсолютного большинства это не идет дальше утренних или вечерних грез,

другие же выкладывают на бумагу, в результате чего и получается все это разнообразие: женские романы, фэнтези, бо-евики, приключения, эротика...

Так что, собственно, я должен быть счастливым человеком: занимаюсь в реале тем, что другие проделывают только в мечтах. Мне за это еще и деньги платят!.. Правда, это не совсем полная картина, умалчиваю только еще о своей «Последней цитадели», где я создаю и обосновываю мир, основанный совсем на других принципах, чем утренние грезы, еще затуманенные сном, не вполне отделившиеся от ночных желаний и видений. Но «Последняя цитадель» – особая тема, не хочу дать касаться ее всеу...

Хрен муромский, хоть и не строил цивилизацию на экране, но дважды просыпался в липком поту. Руки шарили в поисках одежды или одеяла, которое бы сбросить, но сплю голый, а собственную кожу сбрасывают разве что змеи да ящерицы. Встал, отправился в ванную. Барбос лежит на боку под дверью, дышит сипло, с хрипами. Не случился бы сердечный приступ, у короткомордых собак сердца слабые. Черт, когда же это я отключил кондишен... Или он сам вырубился от перегрева?

Из морозилки вытряхнул в тарелку полдюжины ледяных шариков, Барбос сперва не понял, что ему подсунули прямо к морде, ноздри затрепетали, уловил струйку прохладного воздуха, поднял голову, лизнул. Когда я обливался отврати-

тельно теплой водой, он уже во всю гремел льдинками.

Заснул под утро, простыня влажная, кондишен тихонько взрывает от натуги, шелестящий шум напоминает непрерывный монотонный дождь, черт бы его побрал, уже месяц без дождей, прямо не Москва, а бедуйнская Сахара...

Барбос поднялся со стоном, но его лобастая голова без протестов приняла тяжелый ошейник. Народ только-только выливается потоками из подъездов. Никогда я в такую дичайшую рань не выводил пса на прогулку. От утренней свежести ни следа, если даже и была такая.

У подъезда на лавочке разомлевшая от ранней жары консьержка лениво погладила Барбоса. Тот помахал ей обрубок хвоста. Лавочку притащили откуда-то из сквера, удобно старушкам сидеть и перемывать кости всем выходящим из пивного бара напротив. Правда, обычно сидят молодые ребята и девчонки, это называется тусовкой, что значит, кости перемывают еще как, старушки в ауте.

Барбос обнюхивал каждый кустик, а когда перешли шоссе, я дал ему полную волю, и зверюка вломила в заросли. Я двигался по тропке, вдали маячат собачники. Их собаки носятся по кустам, но когда увидят Барбоса, это будет похоже на несущуюся навстречу конницу батьки Махно.

По тропке, что пересекалась с моей, прогуливался молодой парень. Увидев меня, расцвел, бросился навстречу, но из кустов вышел Барбос, остановился и посмотрел на него с интересом. Будет этот человек играть с ним или не будет?

Парень покосился на мою зверюку с осторожностью, сказал извиняющимся голосом:

– Вы знаете... на прошлой неделе меня покусала собака, я теперь обхожу всех стороной.

– Барбос, ко мне! – скомандовал я.

Барбос подбежал, вертя хвостиком. Я молча взял на поводок и потащил в сторону. Он смотрел на меня большими обвиняющими глазами. За что? За что меня? Ведь врёт же, видно! Ведь все они, кто из-за изъязнов в психике, кто по дурри, но все, кто иррационально и панически боится собак, в оправдание всякий раз рассказывают одну и ту же басню, как однажды их покусала собака. Они все думают, что придумали оригинальную историю, но на самом деле, ты же знаешь, повторяют одно и то же и теми же словами, меняются только сроки: «На прошлой неделе...», «две недели назад...», «однажды...». Есть еще вариант, когда страдающий собакобоязнью придумывает и рассказывает леденящую душу историю, как в его дворе прямо вот на его собственных глазах собака «отъела пол-лица у крохотной дочурки моего друга...». Обязательно дочурки, заметь, а не сынишки, ибо девочку как бы больше жалче!

На самом деле, только в нашей Москве, ежедневно на улицах и в темных подворотнях убивают люди, а не собаки, и не просто сносят пол-лица, а именно убивают по пять-семь человек. Эта норма никого не волнует, но если хоть одна собака где-то кого-то укусит, то все газеты: правые и левые, за-

падники и славянофилы – взрываются гневными статьями, расписывающими этот злобный укуc, выпад этого злобного зверья против человечества, печатают фото, интервью с очевидцами, рассказы соседей, комментарии специалистов, рекомендации профессоров-собаколовов... хотя любой милиционер может подтвердить, что ежедневно в состоянии подпития хоть один гражданин да ухитряется укуcить другого гражданина-собутыльника, но это нормально, это ничего, царям природы быть собаками и гораздо ниже собак можно, это называется расслабиться, оттянуться, побалдеть, словить кайф, вести себя естественно, раскованно, быть самим собой...

На том же самом деле, во всей десятимиллионной Москве не найти человека, которого действительно укуcала собака. Нет, если основательно перетрясти, то одного-двух найти можно. Но надо еще выяснить, что же они такое творили, что собака их все-таки укусила. На самом же деле, если бы жители Москвы в таком же количестве держали, скажем, овец, то овцы кусали бы хозяев, прохожих и «сносили поллица маленьким дочуркам» гораздо чаще!

За спиной послышался виноватый голос:

– Простите... Я здесь вас уже вторую неделю ловлю!

Парень идет следом, на лице страх перед Барбосом, но глаза смотрят на меня с мольбой и непонятной надеждой. Теперь в руках видеокнига, где же прятал, даже фломастер приготовил, держит наготове, острие направив в сторону Барбо-

са.

– Меня поймать нетрудно, – ответил я, чтобы что-то сказать.

– Да... но такая собака не даст приблизиться, – промямлил он.

– Что вы, – возразил я жизнерадостно, – конечно, даст приблизиться! Иначе как же сможет покусать?

Он снова остановился, я подошел сам, взял, расписался на полупрозрачном футляре, смутно просвечивает лазерный диск, спросил как зовут, раз уж такой энтузиаст отыскал на входе в лес. Это совсем не в книжном магазине подойти на встрече с читателями, добавил несколько стандартных слов пожелания успехов в труде и личной жизни.

– Я в восторге от ваших книг, – выговорил он пылко, – как вы все это из головы придумываете?.. И все новое, новое... А ведь – я ж читал! – на свете только семь сюжетов, семь идей!.. Как вам удастся?

– Больше, – сообщил я великодушно. – Ищите да обрящете!

– Но как же... Я ведь читал...

– На заборе тоже иногда бывает нечто написано, – сказал я еще любезнее. – Но не верьте, там все-таки до-ски.

– Но...

– Брешут, – прервал я. – Все брешут. Чтобы не искали, не перехватили у них сокровище. А сами знают, что сюжетов – море. Как и тем, идей... Скажите, разве во времена Бунина

можно было писать о проблемах любви по Интернету? О ревности к виртуальным образам? Об эпидемии разводов из-за виртуального секса?.. О нравственности или безнравственности пересадки органов? О безопасном сексе? Продолжите сами. Окружающий мир ежедневно подбрасывает тысячи сюжетов, тем, идей, образов, что просто не могли родиться в головах писателей прошлого века. Просто берите эти темы и... пишите. Никаких чудес.

Теперь на его лице сталкивались противоречивые чувства, целые бури, штормы, тайфуны «Мани» и «Клары», ураганы. Слишком уж резкие и непривычные для этого мира вещи говорю. Страшновато поверить, что это правда. Какой же получается неуютный мир без вдохновения, муз, пегасов, лавровых венков, музыки сфер, озарений, видений, бермудского треугольника, тайваньских хилеров, деревьев-людоедов, молодильных яблок, рыцарских турниров...

Я взглянул на часы. Разговаривая, мы ушли от тропки с собачниками, и вообще я проляпал языком, объясняя очевидные для меня вещи, а Барбос так и не наигрался с приятелями.

– Увы, – сказал я, – нам пора возвращаться. Успешного вам воссоединения с природой!.. Знаете ли, шелест листьев, крик чайки... или дятла, цветы, муравьи, комары, стрекозки... Да, вдохновляет, вдохновляет...

Он смотрел вслед благодарными глазами, снова сбитый с толку. Черт, всему верит. И когда говорю истинную правду,

кристально чистую и ясную, как вода в горном ручье, и когда – привычные ни к чему не обязывающие вещи, вроде «Как дела», ну надо же уметь разграничивать...

– Барбос, ко мне!

Барбос примчался с готовностью, спросил взглядом: а где палка? Или хотя бы кольцо?.. А что бросать будешь?

– Ничего, – ответил я, – домой пойдем.

Он хрюкнул в великой обиде и недоумении, посмотрел мне в глаза, стараясь увидеть, что я шучу. Обычно мы гуляем около часа, а если встречаем собачников, то и пару часов. А тут прошло всего с полчаса...

– У меня свидание, – объяснил я этой наглой зверюке, – рабочее, деловое. Это на простые можно опаздывать, а на рабочие – нельзя. Тем более что женщина придет ко мне домой...

Он посмотрел на меня с укоризной. Я развел руками. Да, придет молодая красивая женщина, и как-то само собой разумеется, что рано или поздно окажемся в одной постели. Или коитус не произойдет не там, но это неважно. Во времена молодости моего отца еще говорили о Единственной, что где-то ждет, но мы, более практичные и трезвые, понимаем, что если даже та Единственная и ждет нас где-то в Австралии, то мы никогда туда не доберемся. Она может ждать даже в соседнем городе, а то и в соседнем микрорайоне, но у нас разный режим работы, мы выходим на разные улицы к транспорту, у нас нет возможности встретиться.

Потому, вздыхая о Единственной, мой отец спал с женщинами из своего конструкторского бюро, его шофер Вася – с девками из диспетчерской, а я вот с женщинами из литсреды. Помню, как-то мне приписывали в пору моего начинания в литературе, что я спал с редактрисой в корыстных целях, но с кем еще было спать, если я чаще всего видел сотрудников редакций? А почему не с уборщицей в той же редакции, так та редактриса была в то время самой красивой женщиной «Радянського письменника», крупнейшего издательства, да и вообще исключительно красивой женщиной. А уборщицу я оставил для вас, надо же делиться!

Кусты трещали, распахивались, как тростник, это Барбос, наверстывая упущенное, носится, подобно дикому кабану, успевая подхватить и зазевавшуюся лягушку, и прыгнуть на дерево, где белка на вершине, и просто пробежаться, подражая лосю.

А моя мысль, такая плавная и ровная, блаженно течет и течет без помех и порогов. Это когда быюсь над образом или идеей для романа, приходится ломиться через каменные стены, а сейчас вот легко и во всех красках представляю, что *это* случится либо сегодня, либо завтра... но, скорее всего, сегодня. Мы будем лежать на диване, ее легкие чуткие пальчики будут чесать мне интимные места, а в паузах между делом будем говорить и о литературе.

Да, в случае с Кристиной, голову даю на отрез, что мне даже не придется быть инициатором, сама в первый же день

преспокойно и умело трахнет меня, а потом объяснит, что это в чисто деловых целях: я буду с нею гораздо откровеннее, раскованнее, а она сможет лучше вести мои дела.

В гениталиях приятно потяжелело, я ощутил там жар, свистнул Барбосу уже повелительнее и пошел к дому.

Консьержка раскланялась приветливо, я один из тех, кто платит без задержек, а в наше время уже и это диво, Барбос повилял ей обрубком хвоста и лизнул в нос. Двери лифта распахнулись сразу, а дома у меня уже и кофе, и печенье, и всякие сыры с колбасками.

Комп услышал меня из прихожей, а пока я сбрасывал обувь, он уже тихонько гудел, проверялся, гонял вирусов, даже в нетерпении попробовал начать дефрагментацию: я, видите ли, напрасно поперся в душевую.

У него 600 гигагерц, хард на 400 терабайт, и то и другое на сегодня – предел. Говорят, что вообще 750 предел всему. Даже теоретический, так как эта скорость ограничена вообще скоростью нейтронов, но, думаю, умельцы сумеют обойти и этот запрет, как уже обошли тысячи других. Хотя для моей работы, если честно, и сотни гигагерц вполне хватило бы, да и столько терабайтов ни к чему. Я пока что не сумел его забить и на четверть, хотя сбрасываю туда фильмы без счета.

Но я люблю навороченные компы, как кто-то любит новейшие и самые мощные автомобили или роскошные дачи

на Карибах. У меня бабок не хватает на роскошный «Бентли», тем более не потяну виллу за бугром, но если опять же честно, мне по фигу на чем ездить, а дача на Карибах мне и даром не нужна. Зато у меня самый крутой комп, самый лучший велосипед и самая умная и красивая собака на свете.

И даже самый красивый литагент, добавил кто-то внутри. Я насторожился, огляделся. Черт, а это откуда?.. Чтобы поставить на стол такой крутой комп, пришлось потрудиться, то же самое и в отношении лисапета, что по цене, как новенький автомобиль. Собака лучшая на свете уже потому, что это моя собака, а вот литагент откуда такой эффектный?.. Это только в сказках такая халява: дал объяву, а к тебе сразу красotka на шею! И с предложением всех-всех услуг. Но понятно же, что литагенты в массе своей – пронырливые мужички с юридическим образованием, а та малая часть женщин, что тоже литагенты, – серые невзрачные библиотечарские мыши, бывшие редакторы, неудавшиеся издательские работники.

Звякнул телефон, я сказал: «голос», и комната сразу по-светлела от теплого и веселого голоса:

– Привет, это я, Кристина. Не сильно отрываю от работы?.. Спасибо. Отыскала ребят, что берутся составить карту всех походов ваших героев. Распишут до мелочей.

Я поинтересовался:

– Это их не слишком напряжет?

Ее смех раскатился по всей квартире:

– Шутите?

– Серьезно. Не хотел быть кому-то в тягость...

– Они счастливы! Безумно счастливы. Вы же знаете, такие люди есть, их только найти...

– Спасибо, – ответил я. – Я знаю, есть вообще толкинутые, булгакнутые, рерихнутые...

– А теперь уже есть и факельнутые, – сообщила она почти злорадно. – Это ничего, что я уже готовлю предварительный план работы?

– Хорошо бы взглянуть, – сказал я.

– На предварительный? – перепросила она. – Окончательный вариант будет готов дня через три, а предварительный – хоть сейчас. Вообще-то предпочитаю по емэйлу, но надо кое-что обсудить. Когда привезти?

У меня с языка едва не сорвалось: «Да прямо щас!!!», – но я мысленно ухватил себя за горло так, что язык выпал и посинел, глаза выпучились, а рожа покраснела. Я ослабил пальцы, горло сделало осторожный вздох, и я сказал раздумчиво, так это должно было выглядеть:

– Ну, я стандартно работаю, как и большинство профи, до двух... Потом – свободен.

– Значит, в три?

– Годится, – ответил я и добавил, не удержавшись: – Жду.

– Договорились, – прозвучало в трубке.

Послышался щелчок, я остался наедине с собой и компом, но в комнате стало светлее и радостнее, словно ее раскатившийся смех оставался в квартире под столом, диваном, сту-

льями.

Я повернулся к компу, на крутящемся кресле это в удовольствие, но что-то, что-то не восхотелось это... творить, создавать, лепить нетленку. Абсолютно неверна, хоть и красива фраза Льва Николаича: «Если можешь не писать – не пиши». Лев Николаич вообще был мастером многих сентенций, коим сам не следовал, иначе не стал бы тем, кем стал. Да и нет на свете писателя, который любил бы по двадцать раз переписывать рукопись, как делал это Лев Толстой, иногда поручая это жене, но правку все же вносил сам, а это гадкий и нетворческий труд.

Правда, иногда какой-нибудь Вася Пупкин победно заявляет: а я вот люблю править и переписывать! Ну, я молчу, что ответить? Это же Вася Пупкин, не Бальзак, который начинал писать только тогда, когда в ломбард сдавал одежду с себя, а сам сидел, завернувшись в одеяло. Это не Эмиль Золя, который выстригал себе половину головы, чтобы сидеть и писать до тех пор, пока отрастут волосы... Да любой из великих, чья жизнь хоть малость известна, ненавидел писать! Любой. Любят писать только графоманы. И, если следовать фразе Льва Николаича, то в литературе остались бы одни графоманы.

Увы, настоящие писатели-профи только любят придумывать произведения. Придумывать идеи, необычные темы, незатасканные образы, яркие повороты сюжета. Но когда дело доходит до воплощения всего великолепия в тусклые

значки на бумаге, вот тут писатель и скисает... зато графоман мчится во всю прыть! Тут-то и начинается мерзкая, гадостная, ненавидимая профессионалами черная работа по правильному размещению значков алфавита на бумаге или экране компа.

Я обернулся в сторону кухни, гаркнул:

– Кофе!..

Прислушался, однако новая кофеварка работает бесшумно, не проверишь – слышала или глуховата на один сенсор, как предыдущие модели. Чертыхаясь, поднялся, на экране тем временем ожили и задвигались персы. В далекие времена их звали, сам застал ту дикую эпоху безкомпья, персонажами.

Обычно я работаю с персами, которых сам создаю и которых контролирую в каждом движении и каждом слове. Но для этого романа воспользовался системой андирект контрол, когда на своего персонажа можешь воздействовать только косвенно. Я не могу его послать, скажем, повеселиться с девчонками, если он, к примеру, дни и ночи сидит над книжками, но могу в опциях сдвинуть рычажок слухов, когда о нем начнут говорить в компаниях, как про импотента или любителя мальчиков, и он вынужденно явится в веселую компашку и «докажет», что с ним все в порядке.

Андирект контрол, как я понимаю, появилась как реакция на разглагольствования тех дурней, которые еще в старое бумажное время доказывали, что писатель не волен над своими

персонажами. «Они живут своей собственной жизнью, они сами идут, куда хотят». Самым ярким из этих «свободных» был Юрий Олеша, хотя его современники утверждали, что это было не больше, чем кокетство перед читателями, а сам он всегда знал, чем начнет и чем закончит роман, не знал только, чем заполнит середину.

Вообще-то андирект, в самом деле, точнее отображает жизнь, ибо никто из нас не в состоянии напрямую воздействовать на окружающих людей. Разве что на своих детей, да и те могут заупрямиться, тут срабатывает система косвенных приманок: «не пойдешь играть, пока не сделаешь уроки», «будешь хорошо учиться – куплю велосипед», – а в отношении взрослых такими побудительными причинами может быть все, что угодно, начиная от простой податливости женщин, где рычажок можно сдвинуть от минимума до максимума, до изменения жалования и пр.

Я не могу, скажем, заставить своего перса съехать с этой квартиры и переселиться в нужный мне район, но я могу парой нехитрых комбинаций поселить рядом с ним пьяного негра Васю, который будет срать в лифте и в подъезде, расписывать стены, блевать под дверь, в то время как в нужном мне районе уже выстроен и сдается комиссии дом, где все жильцы заранее принимают меры, чтобы таких раскованных демократов в свой дом не пустить.

Но, конечно, я предпочитаю старомодный прямой контроль над персонажами. Он проще, дает эффект немедлен-

но. Его нещадно эксплуатируют начинающие, но это вовсе не значит, что профессионалы должны его избегать, как сейчас все еще избегают изображений свастики, серпа и молота, красных звезд, снопа пшеницы, голубого цвета и прочего-прочего лишь на том основании, что эти изображения чем-то себя «запятнали».

Прямой контроль, в моем понимании, это и есть искусство, а этот андирект – ближе к дипломатии, к средствам воздействия на толпу всяких СМИ, вообще больше похоже на реальную жизнь, а почему я, писатель, должен копировать жизнь, если реально только искусство, а так называемая реальная жизнь – всего лишь его бледная тень?

Если я всего лишь следую за своими героями, то какой я творец? Не говоря уж о Творце. Я всего лишь бытоописатель жизни героев, а быт у них обычно серенький, скучненький, подвиги и прочие яркие моменты бывают редко. Если вообще бывают. А искусство – это умение отбирать только яркие моменты из жизни своих персов, даже если это самые серенькие людишки. Вон Гоголь взял самого серенького человечка на свете, но не следовал за ним, скрупулезно фиксируя, что ест да где бывает, а сразу взял самое значительное и ключевое событие в его жизни: кража шинели!

Наши дети... пусть внуки, уже и представить не смогут такой убогий мир, когда литературное произведение имело только один смысл... ну, в нашем значении, один сюжет, один уровень сложности. Конечно, гении древности, всякие

шекспиры, ухитрились даже в буквенную форму заталкивать два-три смысла, вон в Коране вообще семь толкований в каждой строчке, но то исключения, а сейчас, будь добр, подай гарантированные пять уровней сложности, пять различных вариантов концовок, да к тому же еще не скатись в примитивную бульварщину!...

Глава 7

Этот роман я задумал сделать инвариантным с первой же главы, это уже уровень мастера, но я прекрасно знаю, что уровня мастера я достиг давно. В этом романе я собирался сделать первую развилку от выезда из отцовского замка, так сказать, классический камень с надписью, вправо – будет то-то, влево – то-то, а прямо – о камень навернешься, но потом, как обычно в таких случаях, пришла идея, нахлынула, залила поверх ушей, и я с самой первой главы придумал, как можно пустить два взаимоисключающих варианта хода событий, а потом каждый из них разветвится еще на три или пять дорожек, каждая из которых будет неминуемо вести либо к женитьбе, либо к гибели... но и там оставлю тщательно упрятанный логический ход, чтобы можно вывернуться, то есть в одном случае не жениться, в другом – не погибать, а снова на коня и с шашкой на врага...

Инвариантность, ессно, ценится в этом мире выше, чем прямой вариант, когда читатель не может сделать шаг вправо или влево, потому все начинающие тут же сразу пытаются проявить себя в таком варианте, но это все равно, что новичок, выходя на помост, пытался бы взять рекордный вес чемпиона мира.

Потому те трезвые, которые понимают необходимость тренировок, или повышение мастерства, как ни занудно это

звучит, все же учатся делать прямые романы. Они пользуются стабильным спросом, инвариантность – это для эстетов, тем более путь этот для автора чреват, ибо платят за прямой вариант и инвариантный одинаково. Ну, почти одинаково. Разница только в том, что инвариантный доиздается намного чаще. Выигрыш здесь совсем малый, а состоит он в том, что инвариантные охотно берут и «прямые» читатели, причем проходят только по одному разу, и эстеты, которых совсем немного.

Это уже потом «прямые» читатели начинают пробовать другие варианты пути, с изумлением обнаруживают, что вот таким способом можно пройти еще интереснее, удовольствия от прочтения книги еще больше, говорят о своей находке приятелям, те сообщают о своих открытиях, и вот следующую мою книгу уже ждут, а едва выходит из печати, расхватывают.

Барбос поел, поспал, принес мне мячик и посмотрел вопросительно.

– С ума сошел, – сказал я раздраженно. – Не видишь, я работаю?

Не вижу, ответил он преданным взглядом. Ты же бог, бессмертный бог, ты все можешь и умеешь, значит, играешь и сейчас, только игры твои мне непонятные, мой обожаемый повелитель, сотрясатель вселенной.

– Ра-бо-та-ю, – повторил я отдельно и украдкой от Барбоса посмотрел на часы.

До прихода Кристины час, но в голове ни одной творческой мысли. А те зрительные образы, что перед воспаленным взором, можно оправдать только двухнедельным зноем, когда ни дождя, ни свежего ветра.

Заставил себя думать о таинственных планах, что принесет Кристина, это я так сказал себе, что о планах, но в воображении снова огонь ее обнаженной фигуры, ослепительно белая полоска поперек высокой молодой груди, белый треугольник на оттопыренных ягодицах, длиннющие ноги... Черт, да у меня, сколько бы ни перебирал в памяти, не было такой эффектной женщины. В смысле, не держал в руках, раздвинув ей ноги. Такие только в кино, на обложках журналов мод, на рекламных плакатах, призывающих посетить Монте-Карло...

Озлившись, заставил себя смотреть в экран. Этому начинающему я насовал полную сумку советов, но если встречу еще или же другого, подобного, скажу сразу: начинайте писать хорошо – и у вас появится армия добровольных помощников. Безвозмездно и счастливо будут вылавливать все баги, неточности, несоответствия еще до сдачи рукописи... хотя какая к черту рукопись, и уже на этом этапе у вас будет преимущество.

Я, к примеру, не только отдаю роман троим новым друзьям, с которыми сошелся на этой ниве, но иставляю отрывок, так сказать, демоверсию в Интернете. Спокойно начинаю следующий роман, а этот, тестируемый, просматрива-

ют на предмет соответствия эпохе оружия, одежды, орденов, обычаев, наперебой указывают на слабости сюжета, но здесь я согласен со знаменитым: «Суди, дружок, не выше сапога!», хотя, конечно, вслух такое никогда не скажу, каждый имеет право высказывать свое мнение, как и я имею право его игнорировать.

Сегодня текст... говоря по старинке, а на самом деле видеоряд не шел. В мозгу крутится какая-нибудь нелепость типа: а в чем придет Кристина, и я, озлившись, занялся патчами. Патчи – это просто рутинная работа, исправление выявленных дыр, ошибок, прорех, слабых мест. Обычно их выявляют читатели, что не добавляет удовольствия, но создание литпроизведения не только творчество, но и рутинная работа, которой, понятно, больше.

Закончил давно начатый крупный патч на двести гигабайтов для «Тех, кого не ждут» и за полдня составил заплатку в три гига для «Красные листья». Надо бы еще две, для последних романов, читатели уже сообщили о замеченных багах, один сразу же прислал хорошо сделанного бота, даже подсказал хороший вариант с модом, надо поблагодарить хотя бы емэйлом, а то и привлечь на добровольных основаниях для вычитки... но с патчем пока погожу. Подожду, когда багов наловят больше. Тогда уж и шарахну. Не люблю гнать патч за патчем вдогонку. Да и несолидно, вредит репутации. Сразу видно, гонит майнстрим в погоне за бабками, спешит срубить капусту, сдает в издательство сырое, а потом еще и

за патчи деньги берет...

Вообще-то за патчи я никогда деньги не брал, это все скачивается с моего сайта абсолютно бесплатно, но в какой-то мере гады правы: если не мне, то провайдеру все же какие-то копейки в карман падают.

Долго примерял женские мордашки, много хорошеньких, но нужна характерная, словами описать могу, но надо выразить в байме, импатике, перебрал весь набор сэмплов, купленный на Горбушке – пиратство бессмертно! – озлился, вечно я иду впереди, прогресс семенит где-то сзади.

Конечно, я достаточно продвинутый юзверь, чтобы в тридэмаксе сваять нужный образ, но если раньше такое делал в охотку, новинка же, то теперь это превратилось в черновую работу, а ее любой творческий человек сводит к минимуму. Я вызвал на экране записную книжку, в которой есть все телефоны Москвы и все адресные базы данных, тоже пиратские, ессно, все номерные знаки, досье на каждого жителя столицы, сколько пьет и с кем живет, но все это не интересует, ага, вот он, нужный телефончик...

Вообще-то, листая раздел справочника, отведенный актерам и киношникам, ощущал некое гаденькое чувство... превосходства, что ли. Есть у нас такое свойство, доставшееся с древнейших времен, еще с дочеловеческого общества, что заставляет посматривать свысока на тех, кто так и застрял в бедности. Хуже того, мы сами, говорю об обществе, подыг-

рываем этому чувству, давая ему разрастаться, когда плюемся при виде тупейшего шоумена, собравшего огромную аудиторию, но если удастся где-то посидеть с ним за одним столом, дома горделиво хвастаемся, что вот сидели вместе и обедались-с, даже перебросились парой слов... А на вопрос: в самом ли деле дурак, – уже неловко подтвердить, что общались с дураком, это же нас самих снижает, и вот уже мямлим, что на самом деле при близком общении оказывается, что совсем не такой дурак, это маска, он же актер, а вообще-то, видимо, где-то в самой глубине души милейший человек...

Так, вот и номер телефона Аманды Дольской, прекрасной все еще молодой и талантливой актрисы, что только-только начала входить на вершину славы, еще не успела в полной мере куснуть от большого пирога, как обрушился с нарастающей силой вал импатии и баймеризации, смел и раздавил не только книги, но и такие традиционные развлечения, как кинофильмы и телесериалы.

Правда, телеканалы и сами телевизоры, конечно, уцелели, но львиную долю эфирного времени теперь заняли новости, спорт, шоу и различные дебаты между политическими деятелями, актерами, певцами, а также перекрестные схватки, типа: политик против певца, три спортсмена на одного актера, словом, вся та фигня, что так нравится быстро толстеющим домохозяйкам.

Театры закрывались один за другим, уцелели только самодельные, да и те играют друг для друга, как те парни с

гитарами, что выезжают на берег реки и поют всю ночь у костра, просто так, для себя и своих друзей. Профессиональные актеры сейчас быстро нищают, мало кто сумел переквалифицироваться и найти работу.

Аманда как раз из тех, что могла бы, у нее хватает талантов, удивительно разносторонний человек, однако все еще надеется, что это временное затмение зрителей, вот-вот опомнятся и ринутся обратно, заполняя партеры, ложи и даже галерку. Терпеливо разучивает новые роли... а тем временем проедает те немногие ценности, что успела приобрести, уже продала, как злорадно сообщила бульварная пресса, особнячок, приобретенный на пике славы, а сейчас в таком состоянии, что готова продать и трехкомнатную квартиру, в которой живет, а купить вместо нее простую однокомнатную...

– Да? – ответил приятный и вместе с тем задорный голос, по нему я без труда узнал Аманду. В спектаклях видел всего дважды, несколько раз попадалась в кинофильмах и телесериалах. – Слушаю?

– Здравствуйте, – сказал я, – Это Владимир Факельный, писатель. Я вас видел в спектаклях, в фильмах, восхищен, но сейчас у меня к вам несколько необычная просьба...

Ее голос прозвучал настороженно:

– Спасибо, но... что за просьба?

– Я пишу в стиле импатики, – объяснил я. – К счастью, я из тех писателей, кто сумел приспособиться к этому сума-

сшедшему миру. Стыдно признаться, даже преуспеваю... Но все потому, что работаю, как черт! И сам для себя застругиваю карандаши и чиню перья. Вот сейчас у меня беда, мало-мало подходящих сэмплов...

Она еще не произнесла ни слова, но я ощутил, что на том конце провода потеплело, приятно услышать коллегу, да еще и такого, кто преуспевает: это как бы значит, что есть надежда и для нее. Я сделал паузу, а она, как и ожидалось, тут же спросила живо:

– Сэ... как вы сказали, сэмплов?

– Да, – ответил я. – Это такие кусочки театрального действия... Словом, вы могли бы помочь мне. Гонорар оговорим отдельно, но это где-то в пределах пятисот долларов за вечер.

На том конце провода послышался подавленный не то вскрик, не то вздох, это же бешенные деньги для безработной актрисы, однако в ее голосе все еще прозвучали сомнение и настороженность:

– Да, меня интересует... даже очень, скажу честно, однако... все-таки нельзя ли чуть подробнее насчет «театрального действия»?

Я не сразу врубился, потом воскликнул:

– Ах, вот вы о чем! Простите, мне надо было сразу яснее. Черт, пишу вроде бы четко и ясно, даже повторяю, чтобы легче вдолбить в пустые головы, но когда надо говорить, то... Конечно же, ничего общего с оказанием эротических услуг. И никаких порносымоков или чего-то подобного. Это

что-то ближе к нащелкиванию фотографий. Писателям всегда недостает типажей, это у нас профессиональная беда. В год надо выдавать хотя бы две-три книги, на каждую десятков персов... персонажей, если по-старинному, всю родню и знакомых уже использовал, как догадываетесь...

В ее голосе послышалось огромное облегчение:

– Фу-у, это мне подходит! Спасибо за предложение. Говорите, что для этого надо сделать?

– Записывайте адрес, – сказал я. – Работаю, как и все писатели, дома, так что здесь и помучаю вас немного перед фотоаппаратом. Или кинокамерой. Уверяю вас, не придется даже раздеваться.

Чувствовалось, что она улыбнулась:

– Теперь верю.

Звонок, я метнул взгляд на часы, ровно три, открыл дверь, Кристина вошла горячая, как разогнанный проц без кулера, безукоризненное лицо без следов косметики, только умелая татуаж, слегка увеличенные и приподнятые губы, сунула мне папку.

– Привет! Здесь некоторые проекты, прикидки, типовые договора... У вас холодную воду еще не отключили?

– Н-нет...

– Тогда я воспользуюсь?

– Да-да, конечно, – сказал я торопливо.

Вообще-то любому гостю, по правилам этикета, надо

прежде всего показать, где туалет и ванная, а если туалет с какими-то прибабасами и наворотами, то и подсказать, как ими пользоваться. А то несчастный гость то не умеет запереться, то никак не вытащит бумажку, то из воды только кипяток, однако Кристина освоилась здесь в прошлый раз раньше, чем я успел раскрыть рот. А сейчас ухитрилась прийти минута в минуту в три часа, как и договаривались, прямо не женщина, а киборг какой-то.

Кристина на пути к ванной ухитрилась сбросить шорты, ее трусики такие же ослепительно белые, как и ее кожа там, под ними, уже видел, помню, хрен забуду.

Вода зашумела, донесся легкий вскрик, смех, но я сумел заставить себя удалиться в комнату. В папке, что она принесла, не только с десятков листов, но и лазерный диск, слава богу. Я погрузился в чтение, стараясь, чтобы моя рожа не слишком уж выказывала страстное нетерпение все бросить и... ну да, пойти к ванной, побеседовать, стоя в дверях о... конечно же, некоторых проектах, прикидках, типовых договорах.

Многие из старшего поколения так и не смогли сжиться с мыслью, что их постоянно видят, наблюдают, снимают, запечатлевают. Раньше это было только на улицах, в людных местах, на вокзалах да у входа на стадион, а теперь скрытые телекамеры стоят даже в квартирах. Молодежь, понятно, приняла, как естественность, а старшие долго то и дело вздрагивали, чувствуя на себе ощупывающие взгляды телекамер. В

туалетах старались встать так, чтобы заслониться от возможного наблюдения, у себя дома перестали расхаживать нагишом и ковыряться в носу, а ложась в постель с женщиной, снова начали гасить свет, как делали, по слухам, наши деды.

Одно время, говорят, даже резко снизилось число перверсий. Одно дело, если болен и ничего не можешь сделать со своей предрасположенностью к гомосексуализму, другое – если балуешься от сытости, ищешь новых ощущений. Этим пришлось в большинстве отказаться, ведь большой разницы, собственно, нет, трахнешь ты в анус женщину или мужчину, но в последнем случае попадаешь на особый лист... Вернее, в особый файл. И пусть в обществе громогласно провозглашена свобода всех этих отношений, но надо считаться и с глубоко скрытым неприятием гомосеков, так что многие решили не портить карьерку ради пустяковых вообще-то забав.

Она вошла в комнату, свежая, легкая. На меня пахло волной прохлады, ароматных запахов. В ванной таких нет, явно принесла с собой, зараза, как и успела, я ничего не заметил.

- Уже просмотрели, Владимир Юрьевич?
- Знакомлюсь, – буркнул я.
- И как вам?
- Еще не определился, – сказал я важно.
- О, вы тугодум?... Впрочем, это я уже заметила.

Она снова в одних трусиках, что не трусики вовсе, а ниточка для поддержания олдейса, и, конечно, без лифчика.

Омытые холодной водой тугие груди напряглись, застыли, как вырезанные из мрамора, даже не колышутся, отвлекая от великих мыслей.

Я впери́л глаза в лист бумаги, но видел всем существом, как она села напротив, легкая и прохладная, смотрит на меня так же изучающе, как я... должен смотреть на бумаги. В этом какой-то подвох, не могут такие эффектные женщины быть доступны таким, как я. Нет, понимаю прекрасно, что самый великий человек на свете – я, но понимаю так же трезво, что остальное людство до понимания такой простой истины еще не доросло, и потому у какого-нибудь банкира или хозяина большого рынка куда больше шансов заполучить таких женщин, покупая их внимание «мерсами», особняками, виллами в экзотичных морях, бриллиантовыми колье...

Все-таки боковым зрением я видел, как ее красиво очерченная грудь вызывающе смотрит прямо на меня, в неловкости поерзал, Кристина спросила ангельским голосом:

– Что-то не так?

– Все так, – ответил я, старательно изучая бумаги, потом наконец оторвал от них взгляд и прямо посмотрел ей в лицо, – но вы можете поверить, я не пользуюсь фильтрами...

Она отмахнулась с великой беспечностью.

– Ничего, я настолько привыкла, что сейчас подростки видят сквозь одежду, что начала воспринимать одежду без всякой ритуальной подоплеки, а просто как защитную оболочку от холода или пыли. Но сейчас жарко... да и пыли у вас

немного.

– Совсем нет, – заверил я невольно. – Кондишен исправен. Да, конечно, располагайтесь, как вам удобнее.

Она и расположилась: руки забросила на спинку кресла, ноги раздвинула: жарко, ляжки не слипаются от пота, мои глазные яблоки то и дело поворачивало как магнитом, я затрачивал титанические усилия, чтобы смотреть либо в бумаги, либо снова ей в лицо, не зацепляясь взглядом за выпуклости.

Кристина внезапно расхохоталась.

– Я пока в лифте ехала, разговорилась с одним...

– Ну, – сказал я саркастически, – это называется разговорилась? Я знаю и другие синонимы...

– Да нет, в самом деле разговорилась. Вы хоть знаете, кем вас считают даже ближайшие соседи?.. Да и вообще все жильцы дома?

Я спросил с интересом, каждому любопытно, когда говорят о нем:

– Кем же?

Она сказала с удовольствием:

– Собачником!

Я пожал плечами.

– Ах, как вы меня удивили. А я кто?

– Писатель, – ответила она уверенно. – Сильнейший... хотя непонятно, почему.

– В этом мире много непонятного, – ответил я и добавил:

– Горацио.

– Но все-таки... всего лишь собачник! Вас это не задевает?

– Нисколько, – ответил я и снова опустил взгляд на бумаги.

– А не хотелось бы, чтобы все указывали на вас пальцами... ладно, пусть взглядами и перешептывались за спиной: вон идет знаменитый писатель Владимир Факельный?

– Нет.

Она покачала головой, в глазах растущее недоверие.

– Вот уж позвольте сказать, что вы, дяденька, брешете. Такого быть не может.

– Можете проверить меня на любом детекторе лжи, – сказал я совершенно искренне. – Мне это до фени.

Снова она не поверила, но мне по фигу. Я-то знаю, что я намного больше, чем писатель. Настолько намного, что с той высоты разница между писателем и собачником просто незаметна.

Кристина сказала с улыбкой:

– Владимир Юрьевич, я же умная женщина...

Я насторожился.

– И что из этой гипотезы следует?

– Что со мной можно держаться как угодно глупо.

Это был намек, даже легкое обвинение, что я держусь не так, как правильно, а на меня это действует, как красная тряпка на быка..

– Да? – переспросил я. – Тогда, Кристина, очень прошу, не поленитесь дозвониться до сантехника. Что-то на кухне вода начала протекать! Позвоните, хорошо? А то, когда звоню я, телефон всегда занят.

Она удивилась:

– Да там всего-то делов – прокладку поменять! Дайте ключ... в смысле, гаечный, я сама все сделаю! Или и ключа нет? Как же вы живете?.. Всегда вызываете специалиста?

– Жизнь слишком коротка, – сказал я, – чтобы самому делать то, что за деньги сделают другие. И вообще у меня руки растут из того же места, что и ноги.

Она упрекнула:

– Вы слишком часто говорите парадоксами! Вас трудно понять.

– Парадокс, – объяснил я мирно, – это истина, поставленная на голову, чтобы на нее обратили внимание. Вам чего-нибудь принести?

– Сюда? – удивилась она. – Кровать? Да пусть стоит там, в спальне. Когда захотите, просто кивните, а пока давайте о деле. Я просто уверена, что вам очень нужно встретиться с читателями. Если так уж в лом, как вы изволите выражаться, то надо дать виртуальное интервью. Сейчас вошли в моду чаты. Устроим чат с посетителями. Вот сегодня ко мне сами обратились держатели крупнейшего сервера фантастики...

– В жопу, – ответил я лаконично.

Она отстранилась, посмотрела на меня из-под высоко

вздернутых бровей, изогнутых, как лук Робин Гуда.

– Простите... куда? Мне кажется, я не расслышала.

– В анус, – пояснил я. – В анальное отверстие. Да не вас, а этих держателей.

Она вспыхнула, на щеках появились красные пятна. Удержалась, сказала ядовито:

– Я, кажется, говорила уже, что если вам надо для творческого вдохновения, то можно и меня, но в данном случае вы, кажется, не понимаете, на какие ухищрения приходится пускаться авторам, а также их литагентам и даже издателям, чтобы устроить вот такой чат! Это же прямое общение автора с читателями! Всякий раз продажи резко возрастают. Ваше имя начинают упоминать чаще, а это ведет к добавочным прибылям.

Я отмахнулся и повторил лениво:

– В анус. По самые... э-э-э... ограничители. А можно и вместе с ними. На фиг я буду выплясывать перед тупыми обывателями «Всей-всей фантастики»?.. Я пишу книги. Этого достаточно. Там я разговариваю с читателями подробно, открыто.

Она сдерживалась уже с явными усилиями. Да и у меня, если честно, кровь поднялась в голову, а низменную эротику выдуло свежим и холодным ветром соплеменных. А ее торчащие груди – это ж всего лишь хорошо развитые молочные железы, меня этим фиг возьмешь и уж не собьешь точно.

Кристина же сердито посверкала глазами, произнесла раз-

дельно:

– Я – ваш литературный агент. Я – на вашей стороне. Но, чтобы я могла проводить более успешно нашу политику, я должна лучше понимать ваши мотивы... которые кажутся весьма странными. Вы можете объяснить ваше нежелание участвовать в литературной жизни?

Я зевнул, потянулся, хрустнули кости.

– Объясняю. На пальцах. Я не стремлюсь нравиться. Не заигрываю с читателем. Тем более с тупейшими сопляками и туповатыми обывателями, которыми заполнен сервер «Всей-всей фантастики». Разговаривать можно с кем угодно, но только не с обывателями. Обыватель слышит только самого себя, такого начитанного и одухотворенного, все знающего и понимающего... Да, я их ненавижу. Я им, сволочам, не прощу, что они Галилея на колени поставили!.. А еще Бруно и Д'Артаньяна сожгли. Нет, это Жанну Д'Арк сожгли...

Она отпрянула, смотрела с таким видом, словно собиралась вызвать психиатра.

– Да здоров я, – буркнул я устало. – Думаете, Галилея на колени ставила неграмотная чернь? Да черни по фигу, какая земля на самом деле, хоть квадратная. Всех нестандартных травили, как и сейчас травят, именно образованные обыватели! Культурные, мать их... Даже высококультурные, всех бы... да нельзя, на них мир держится. Просвещение, культура – без всяких подковырок, на них. Без всякой иронии, они – Хранители Культуры. Беда лишь в том, что защища-

ют культуру как от уничтожения, так и от развития. Все защищают: культуру, науку, моральные ценности. Это хорошо, что защищают и не дают разваливать. Но хреново, что с тем же рвением тащат на костер и тех, кто пытается развивать дальше. Вот потому, дорогая, я и не буду разговаривать с ними. С кем угодно другим могу и буду, но с ними – нет.

– А с другими почему?

– Другие в какой-то степени способны усвоить. А эти – нет. Вспомните, принципиально новая культура, называемая христианством, зародилась и даже развивалась вовсе не среди высокообразованных и культурных римлян! Или греков. То же самое и с исламом. А я, лапочка, вовсе не *хранитель* культуры и всяких культурных традиций. Я – *создатель* новой культуры, нового мышления, новых взглядов... и вообще – нового.

Она подумала, подумала, подвигала бровями, сказала решительно:

– Пойду-ка поищу у вас сок. Отыщется?

– Отыщется, – ответил я небрежно и порадовался за своевременный визит в супермаркет. – Вам какой?

Она подумала, сказала нахально:

– Апельсинового, конечно, не найдется?

– А вот найдется, – ответил я. – В двери, слева. Два пакета! Литровых. А мне заодно, если можно, конечно... чашечку кофе.

Она колебалась, ведь горячий кофе в холодильнике

отыскать трудно, надо готовить, но ушла, а я в отместку опустил глаза и старался не смотреть ей вслед, но все равно перед глазами удалялись ее длинные загорелые ноги, а сверху двигались из стороны в сторону снежно-белые сочные ягодичы. С кухни уже доносились хлопки дверцы холодильника, шум набираемой в джезvu воды, а из комнаты все еще удалялись длинные загорелые ноги, перекатываются при каждом движении снежно-белые сочные ягодичы... Черт, да что же такое, да как будто мне некуда больше смотреть, кроме как в жопу!

Глава 8

Барбос подхватился и воровато прокрался на кухню. Знает, скотина, по опыту, гости обычно балуют, добиваясь расположения. А женщины... ясно же, что это не первая, переступившая этот порог, а утром спросившая, как меня зовут, женщины балуют особенно, просто заискивают. Любой собачник не переносит недоброго слова или взгляда в адрес его пса, но тает, если гость прыгает вокруг его собаки.

Ну что мне, в самом деле, делать в этой тусовке, тускло всплыла брезгливая мысль. Там собираются действительно милые, обаятельные люди. Они хорошо и остроумно говорят о культуре, писателях, обсуждают новые книжки, новые течения майнстрима, варианты черного пиара... но мне тошно с ними, у меня никогда не будет с ними общего языка!

С кухни раздалось быстрое жужжание кофемолки. Ага, разобралась с этим хозяйством быстро. А я полчаса горбился с инструкцией, больно навороченная теперь бытовая техника. То ли дело – комп, все понятно, как говорят, интуитивно. Так вот, возвращаясь к баранам, те образованные обыватели, что живут сегодняшним днем, полагая его единственно правильным, упорно и умело защищают его, а защищать всегда легче, это знаем из опыта всех войн, потери один к четырем, высмеивают все нестандартное, а изменения принимают в узких рамках «от и до». Не изменения да-

же, а крохотные вариации. Апгрейдики. Но чтобы сменить телегу на авто, апгрейда уже мало, пришлось отказываться от старых дорог.

В то же время прекрасно понимаю, что в обществе этих людей жить приятнее и лучше, чем в обществе себе подобных. Те милые и образованные обыватели тем и хороши, что в рамках. Неважно – рамки благопристойности или узость взглядов. Я же сказал «жить», а это значит, что, выходя на прогулку с собакой, предпочитаю общаться вот с такими культурными обывателями, у которых породистые медалистые шавки, чем с пьяненьким слесарем, который тоже вывел своего блохастого полкана. Но когда дело касается более серьезных дел, то эти культурные и обаятельные – гораздо большая угроза, чем пьяненький слесарь. С тем все ясно, а эти такие милые, такие пушистые и все на свете знают – действительно знают! – что так и тянет не просто общаться с ними и войти в их круг, но и принять их систему взглядов, ценностей, принять их отношение к событиям в мире, их оценку.

К счастью, помимо моей железобетонной стойкости, есть еще одна подпорочка моей непримиримости. Я успел застать ломку предыдущих взглядов и ценностей культурного обывателя. Это сейчас общество милых и пушистых полагает, что защищает «вечные ценности». Ха, во времена моей юности эти «вечные и неизменные» были совсем иными. И кто-то же их ломал, сцепив зубы, выслушивал насмешки и обви-

нения со стороны тех милых и пушистых, был изгоем в обществе!

Из кухни послышались легкие шаги. Она идет босиком, но я не уловил привычного шлепанья подошв, а по этому полу ходили голые женщины, ходили, чего скрывать, это же понятно, но у Кристины такая форма ступни, что идет... черт, как же она идет!

Она опустила на стол поднос с двумя чашками кофе и крохотными бутербродами. Грудь на какое-то время зависла над горячим, кончики сразу зарумянило, увеличило в размерах и покрыло мелкими бисеринками. На заднем плане мелькнуло золотистое тело Барбоса. Облизывается, гад. Украдкой скользнул на свою лежанку, сделал вид, что не покидал ее с вечера.

Я взял чашку, Кристина отнесла поднос на кухню, еще раз дав мне возможность оценить ее дивную фигуру, вид сзади, или с зада, что для моих глаз вернее. Даже в зад, если быть уж точным клинически.

Я прихлебывал кофе, когда эта дивная фигура возникла в дверном проеме, но я заставил себя не отрывать глаз от коричневой поверхности в чашке. Верхним зрением, как стрекоза, я видел, как это совершенство с торчащими сиськами село напротив.

– Как кофе? – спросила она.

– Терпимо, – ответил я великодушно.

– Что-то не так?

– Да нет, пить можно.

– А что нужно сделать, чтобы пить можно было с удовольствием?

Я подумал, хотел сказать, что можно чуть крепче, но тогда придется и дальше пить повышенной крепости, ибо Кристина, похоже, собирается делать его и впредь, расширяя рамки лиагента-редактора-смотрителя за сексуальным тоном, сказал вынужденно:

– Да нет, в самый раз. Можно даже чуть-чуть слабее. Я наращиваю постепенно, самый крепкий пью уже к ночи.

Она удивилась:

– А как же спите?

– Как бревно, – ответил я откровенно.

Она бросила на меня быстрый взгляд, мол, со мной бы не лежал бревном, а я ответил тоже взглядом, что хрен тебе, лежал бы, если бы захотел. Прошел тот возраст, когда из-за комплексов делаем не то, что хочешь, а чего от тебя ждут.

– Ладно, – сказала она, – журналистов не жалуете, с читателями тоже не общаетесь... Это я усвоила, хотя так до конца и не поняла. Ну да ладно. И на всякие съезды и междуособойчики, что устаивают издательства и всякие комитеты, не ездите, тоже понимаю, хоть и с трудом. В вашем-то возрасте ехать в Питер, жить в гостинице... Но почему здесь, в Доме Писателей, вы не захотели подойти к Драгопольскому? Или позволить ему подойти? Мне рассказали о том случае, он ждал только намека.

Я помялся, не зная, как объяснить на пальцах, как выразить трудное.

— Я не хочу влиять, — сказал наконец вяло. Ее глаза расширились, я добавил торопливо: — влиять, как полагаю, неспортивными методами. Этот Драгопольский пару раз на своих тусовках отзывался обо мне нелицеприятно. Или заявлял, что меня не читал и читать не будет. Если я сейчас с ним перекинусь парой слов о сегодняшнем вечере, о погоде, а то еще и попьем кофе за одним столом, то ему будет несколько труднее... ну, хоть на полпроцента, говорить обо мне то же самое. Чутьочку неловко, что ли, говорить, что я дурак и скот, если за минутным разговором убедился, что я вообще-то умею говорить, а не бросаюсь с лаем.

Она слушала с непониманием, возразила:

— Так это ж хорошо!

— Нехорошо, — ответил я. — Я не хочу никого перевербовывать на свою сторону таким макаревичем.

— Но почему? Почему, если шанс подворачивается сам? Да все бьются за влияние! Вот тысячи учебных пособий с лекциями и диаграммами, как привлечь внимание! Как создавать дополнительные шансы, чтобы на свою сторону еще одного человека, еще одного... А вам эти возможности сами лезут в руки!

Я пожал плечами.

— Объяснить такое трудно, понимаю. Просто примите это.

— Но кто оценит ваше бла-а-а-агородство? Да никто просто

не поймет! Даже я не понимаю, а я на вашей стороне! О вас, знаете, уже какие слухи?

Я отмахнулся.

– Плевать. Я сам свое бла-а-городство, как вы говорите, ценю достаточно высоко. И перемена в мнении о моей персоне пары сотен или тысяч милых и пушистых того не стоит. Хрен с ними! Я все равно их изменю, хотя бы они того или не хотят. Вернее, не их, они уже конченные, но их дети... это уже мои!

Она смотрела с непониманием, я начинаю лыбиться, скоро захохочу, ее брови всползли на середину лба.

– Кристина, – сказал я весело, – вам трудно поверить, что я в самом деле придерживаюсь такого образа жизни, который декларирую?.. Но это так. Поверьте, работать будет легче.

– Я не понимаю, – сказала она с некоторым раздражением, – зачем эти добавочные трудности.

– Это моя пещера, – объяснил я.

– Какая пещера?

– Или гора, если хотите. Думаете, я первый, который попал в эту ситуёвину? Да всякий, который хотел кардинально изменить мир, уходил вот в такую изоляцию. Только раньше в пещеры, леса, пустыни, как всякие христосы, будды, мухаммады и тысячи других подвижников, а сейчас люди покрепче. Я могу и в центре города отгородиться от милых и пушистых, от которых не мог отгородиться Христос или Буд-

да. А я вот могу!

Звякнул телефон, я посмотрел на Кристину, не стал голо-
сить, а дотянулся до трубки.

– Алло?

– Володенька, – послышалось из мембраны торопливое, –
у тебя есть дистрибутив «Ворда»? Стыдно признаться, но я
ухитрился запортить...

– Нет проблем, – заверил я. – Если хотите, могу даже уста-
новить.

Он сказал еще виноватее:

– Что вы, что вы, Володенька!.. Я и так вас напрягаю. От
дел отрываю. Я уж сам как-нибудь одним пальцем. Только
бы не забыть, в какую директорию он, мерзавец, вписывает
сам себя, чтобы от меня спрятаться... По умолчанию, как вы
говорите, гад, всегда пользуется этой уловкой. Когда к вам
можно?

– Да хоть щас!

– Спасибо, Володенька!

– Не за что, – ответил я.

Он еще рассыпался в благодарностях, называл меня спа-
сителем, в самом деле беспомощный при самых пустяковых
сбоях в компе, Кристина унесла чашки, я слышал, как на
кухне полилась вода, зазвенела посуда. Неужели эта красот-
ка даже умеет мыть чашки? Правда, кофе приготовила тю-
телька в тютельку. Наверное, это входит в ритуал, чтобы лю-
бовницы миллиардеров сами готовили боссу кофе, и тоже в

постель.

Когда в прихожей раздался звонок, Кристина сидела за тем же столом, с задумчивым видом грызла карандаш, иногда что-то черкала в проекте предварительного плана. О чем, еще не знаю, не заглядывал, мешают нависающие над листом бумаги острые яблоки грудей... какие к черту яблоки, целые дыньки! Как только начинаю смотреть на бумагу, глаза просто выворачивает, у меня там мышцы за пару часов накачались, как у штангиста икры за полгода. Ее молочные железы и сейчас, когда я пошел открывать дверь, смотрели алыми сосками на лист. Томберг вошел, высокий и костлявый, в длинной обвисшей майке и трениках.

Я сделал жест в сторону комнаты, где все мои диски, хотя Томберг и так знает, где что у меня лежит. Он сделал пару шагов и остановился в дверном проеме так резко, будто стукнули в лоб. Кристина вскинула голову, улыбнулась ему по-голливудовски широко и многообещающе.

Томберг преодолел ступор, проблеял:

– Э-э... простите... Володенька, что ж вы не сказали, что у вас гости?.. Я бы не тревожил... или хотя бы галстук...

Я отмахнулся:

– Галстук в такую жару? Не смешите. Щас я найду этот проклятый «Ворд»... Да вы присядьте пока.

Кристина сказала ему доброжелательно:

– Я не гость, мы работаем. Так что не стесняйтесь.

Она со вздохом откинулась на спинку кресла, распрямляя натруженную спину, закинула руки за голову. Дыхание застряло у Томберга в гортани, а выпученные глаза прикипели к белейшей полоске поперек ее груди. Вот уж действительно снежная белизна, радость для глаз в такую жару.

Я рылся в дисках, ибо «Ворд» слишком мелкая прога, чтобы этому текстовому редактору кто-то выделил отдельный диск, он где-то в бесчисленных «Офисах», «Суперофисах», «Ультраофисах» и всякого рода реаниматорах и загрузочных дисках.

Кристина сказала легко:

– Давайте я вам налью холодного пепси? Или лучше квасу?

Томберг взмолился:

– Да что вы... да зачем... да не стоит утруждаться...

Кристина легко поднялась, глаза Томберга тоже поднялись, как приклеенные к ее груди, но дальше пришлось смотреть в спину да надвигающиеся ягодицы, расчерченные узкой полоской трусиков. Я слышал, как хлопнула дверца холодильника. Кажется, даже слышал учащенное дыхание Томберга.

Кристина вернулась с литровой бутылкой тоника и тремя высокими стаканами.

– И мы с Владимиром Юрьевичем освежимся, – сообщила она с улыбкой. – Жарко.

– Жарко, – торопливо подтвердил Томберг. – Да, очень

уж.

Я не стал опровергать, что у меня в квартире температура всегда на уровне, Томберг и так ухитрился покраснеть. Кристина наполнила стаканы, один придвинула к Томбергу, сам вряд ли решился бы протянуть руку. Он ее кожи пахло свежестью и чем-то неуловимым, напоминая о морских волнах, прогулке под парусом, золотистом пляже, залитом ярким солнцем.

– Вы писатель? – спросила она благожелательно. – Что ж вы, как старший собрат, не повлияете на него в положительном смысле?

Он поднял на нее робкие интеллигентные глаза, тут же уронил взгляд, ожегся о красные вздутые соски.

– Повлиять? – переспросил он растерянно. – Вы полагаете, на него можно повлиять?.. Это хорошо бы, конечно, но, боюсь, это невозможно...

– Ничего нет невозможного, – возразила она. – Трудно – другое дело.

– Боюсь, – вздохнул он, – очень трудно. Писатели – самые упрямые люди на свете! Это от их уверенности, что они все могут.

– А они могут все?

В ее тоне послышался намек, но Томберг не уловил, кивнул и сказал тем же интеллигентно-проникновенным голосом:

– Они должны так думать, чтобы вообще заниматься пи-

сательством. Иначе их бы свернул с избранного пути любой встречный. Да что там любой встречный, еще раньше убедили бы заняться чем-то более надежным родители, жена, коллеги, друзья. Литература – очень ненадежное занятие!

Она призадумалась на мгновение, острые зубки на миг прикусили губку, выглядит очень эротично, но не шаблонно, такого я еще не видел. Я посматривал на них краем глаза, искал, искал, наконец диск отыскался, а я подумал, что Томберг в этом прав, писатели – те же золотоискатели. В оправдание могу сказать совершенно честно, что на пропаганде и сеянии Высокого тоже можно заработать. И неплохо. Иногда даже, как золотоискатели, которые наткнулись на золотую жилу. К тому же это все же благороднее и чище, чем впятеро больше зашибать на продаже водки или сигарет.

Томберг уже почти перестал стесняться, ибо речь зашла о любимой литературе, Кристина умело поддерживает разговор, незаметно провоцирует, а он горячится, доказывает, робкий голос обретает нотки трибуна.

– Кристина, – плавно вклинился я в интеллектуальную беседу, – Петр Янович – мастер-многостаночник. Он не только пишет, как вы уже поняли, но и сам делает оригинал-макеты. А теперь уже и печатает тираж сам в своей квартире! У него навороченный принтер, печатает даже обложки, делает цветопробы, цветную печать, брошюрует, склеивает, делает переплет, даже золотую ленточку для закладок...

Томберг застеснялся:

– Ну что вы, Володенька! Какие золотые ленточки, это было всего один раз. Так, простые маленькие тиражики, на простой бумаге... Но это такая радость, такая радость – делать книги!

Я смолчал, что потом он продает эти книги тоже сам, стоя в подземных переходах, в метро, где его гоняет милиция, продает в мороз и в такую вот жару, видел я его и промокшего, под зонтиком, когда он спешил к электричке, надеясь пройти по вагонам и что-то продать из своего в самом деле крохотного тиража.

Кристина воскликнула:

– Знаете, мои подружки бегали на встречи с актерами, певцами, а я выискивала, где и когда какой писатель встречается с читателями! А потом приходила домой счастливая: мама, я видела живого писателя!

Томберг застенчиво улыбнулся, покачал головой.

– Ох, Кристина, трудно мне в этом мире... Я учился в школе, где был еще такой обязательный предмет, как каллиграфия. Нас учили вырисовывать буквы. Скажем, в букве «А» передняя палочка писалась с нажимом, отчего получалась толстой, жирной, вторая – с нажимом легким, так что выглядела полужирной, не такой толстой, а перекладинку между ними надо было делать в легкое касание, так называемое «волосянкой»... Эта дисциплина еще держалась в эпоху авторучек, заправляемых чернилами, но сама собой отмерла с приходом шариковых.

Я кивнул.

— Помню, я застал шариковые. Смешные такие, со вставными стерженьками! Кристина такие может посмотреть в музее.

— Вот-вот, — сказал он. — Потом пришли печатающие авторучки, когда текст наносился на бумагу микропринтером. Но все это было неудобным, ибо не успевало за конкурентами. Я имею в виду конкурентами в передаче инфы: фото, кино... Если в эпоху Древнего Рима девяносто девять процентов всей информации передавалось потомству с помощью букв, то к началу века НТР этот процент практически не изменился. Ну, разве что несколько сотых или десятых долей процента стали занимать только что изобретенные методы фотографии и кино. Но затем — лавина... Сейчас же, прошло едва больше сотни лет с начала НТР, а ситуация поменялась на противоположную! Девяносто девять процентов информации хранится уже в виде гифов, джипегов...

Я покровительственно усмехнулся.

— Рад, что вы в них разбираетесь, хоть и удивлен. Но, позвольте поправить, у вас старые сведения. Джипеги, как формат, устарели и давно заменены более прогрессивным оотеком. Но, простите, что перебил, вы правы. Сейчас все в фото и видео. Как говорится, в цифре: не выцветает, не устаревает и не теряет качества при перекопировании. На долю букв едва ли процент. Да и тот катастрофически тает! Зато все сокровища библиотек, музеев, архивов — на одном-един-

ственном харде!

Кристина наблюдала, как я проводил Томберга на лестничную площадку, где еще раз объяснил, как установить, чтобы «Ворд» не потерялся, а когда вернулся, произнесла мягким голосом:

– А вы его любите, Владимир Юрьевич.

– Ну, просто соседи.

– Любите, – повторила она. – Очень милый старик. Интеллигентный, деликатный.

– Да уж, – согласился я. – Чуть глаза не вывихнул, стараясь не смотреть на ваши голые сиськи.

Она удивилась:

– А вы что-то имеете против моих сисек? Тогда я накину что-нибудь!

– Нет-нет, – сказал я поспешно. – Я к ним совершенно равнодушен. Ну просто совершенно.

Она вскинула брови.

– Что, такие... незаметные?

– Совсем напротив, – возразил я. – Но ко мне не раз в пещеру залетали всякие видения. Помню, когда я был святым Антонием... да и раньше бывало...

– Святому Антонию насылали, – поправила она. – Сатана присылал. А я вот пришла сама!

Я улыбнулся пошире.

– Знаю, к самым важным персонам Сатана являлся лично.

Она расхохоталась, рот у нее показался мне красным и

горячим, как вход в адскую печь.

– О, вы собираетесь сопротивляться?.. И надеетесь устоять?

Она смотрела победно, холеная, роскошная, с нежным и мягким телом, созданным для грубого хватания мужскими руками и одновременно упругим, сочным, почти спортивным и от этого еще больше сексуальным. Я смерил ее эротичную фигуру как можно более холодным взглядом. Как бы идиоты ни доказывали, что голая женщина вызывает меньше полового интереса, чем одетая или полуодетая, но все это фигня. Раздетая уже своим видом говорит, что стоит только протянуть руку... а мне так и вовсе сделать повелительное движение пальцем.

Ни фига, сказал я себе угрюмо. Это будет ее победа, а не моя. Раз норовит меня трахнуть, то по всем канонам надлежит сопротивляться. Да и вообще как-то подозрительно. Всякий знает, что бесплатный сыр в мышеловке достается только второй мышке.

Она правильно оценила мое угрюмое молчание, улыбнулась, произнесла загадочно и томно:

– Да, вы герой!

Я уловил некий намек, но смысла не понял и решил принять это как комплимент, пусть и не совсем ясный, но все же комплимент. По крайней мере, герой не за то, что сумел превозмочь соблазн общечеловека прыгнуть на эту зовущую плоть и торопливо трахать во все полости.

Глава 9

Звякнул телефон, Кристина тут же опустила глаза на бумагу и сделала вид, что ничего не слышит, а я снял трубку.

– Алло?

Из мембраны донесся сильный уверенный голос человека, который привык говорить перед большим скоплением народа, дабы слышали и в задних рядах. Даже не просто говорить, а отдавать приказы.

– Владимир Юрьевич?

– Кто спрашивает? – поинтересовался я.

– Это из общества «За Родину!», – объяснили мне, но снова ни имени, ни отчества, ни фамилии. – Мы в восторге от ваших произведений!.. Ваши идеи нам очень близки, мы хотим пригласить вас на наш съезд, что через неделю. Как почетного гостя!.. Это будет освещено прессой, телевидением...

А вот этого мне и не надо, мелькнуло в голове. Да еще на съезде такой организации. Вовсе не потому, что на меня как-то действует обамериканизированное общественное мнение, просто показавшись с правыми, вызываешь недоумение у левых, как и наоборот, и никто еще не соображает, что я сам – партия, движение, общество.

– Спасибо, – ответил я, – но...

– Никаких «но»! – запротестовали на том конце прово-

да. — Мы вас ждем. Приходите обязательно! Мы позвоним еще за два дня, напомним день и время, а за вами пришлем машину. Мы на вас очень надеемся. Вы — выразитель чаяний нашего народа!

Я сухо попрощался, положил трубку. В чем-то он, вообще, прав, этот звонивший. Любое общество воспринимает только тех, кто, говоря школьными фразами, как вот эти из «За Родину!», выражает мнения данного общества. Даже чаяния, как говорят еще круче и одновременно хрестоматийнее. К примеру, существовала советская власть, я ее еще застал, учился в школе, тогда мозги загадили именами великих и даже величайших писателей-современников. О них говорили по радио, писали во всех газетах, журналах, о них издавались книги, их показывали по телевидению, у них постоянно брали интервью, они все время ездили за рубеж за государственный счет и там жаловались, как их печатают мало, зажимают, не дают хода, притесняют, «вырезают лучшие куски текста». Об этом же ходили упорные слухи по всей стране, об этом говорили дома, на работе, в городском транспорте, в кафе, театре, кино и даже на пляже. Черт, как достали эти утверждения, что «лучшее вырезано цензурой»! Как, помню, бросился читать после перестройки, что же вырезано... Идиоты авторы, так уверовали в свою гениальность и «выражаемость чаяний народа», что вернули куски, которые «вырезала цензура». Оказалось, что вырезала не цензура, а грамотные редакторы, которых отправили на пенсию с при-

ходом рыночных отношений. А с этими вставками произведения стали намного хуже...

Так вот, рухнула советская власть, а с нею рухнули и те дутые авторитеты, что якобы боролись против власти. Казалось бы, пишите теперь вволю! Свобода!.. Так нет же, для этого нужно быть писателями, а они были всего лишь выразителями «чаяний народа». Хотел народ свержения советской власти, вот эти «писатели» и выражали эти чаяния. Рухнула власть, а эти старые чайтели – все живы-здоровы! – никак не сообразят, что бы сейчас выразить такое, чтобы в яблочко. Увы, народ жаждет литературы. А вот здесь и облом, этого не потянут.

Точно так же и сейчас, в рыночное время, практически все новые пишущие пристроились к разным партиям, организациям, движениям, везде свои тусовки, везде кукушка хвалит петуха, везде что-то выражают, умело приобретают симпатии «простого читающего народа», который поголовно записан в русскую интеллигенцию. Понятно, никто из подобных деловитых орлов в литературе не останется, но это им по фигу, главное – щас быть первыми, видеть свои фото и интервью на первых страницах газет и журналов, видеть себя по ящику, раздавать автографы, хапать и хапать повышенные гонорары, тусоваться в Интернете.

Коричневая шапка кофе начала подниматься, Барбос учуял запах, пришел и рухнул возле своей миски. Это на Западе пьют кофе с нифигом, что значит – без сахара и кофеина, а у

меня должен быть и крепчак, и сахару три ложки, и в придачу увесистый бутерброд с салом... ну ладно, я ж теперь москаль, обойдемся без сала, зато бутерброд должен быть таким, чтоб заметно напрягался бицепс. А какой человек не поделится с собакой, это ж не другому человеку отломить.

Из комнаты донесся звонкий голос:

– Кофе в такую жару?

Зараза, она даже такую фразу ухитряется произнести настолько сексуально, что я не только за долю секунды успел забросить ее загорелые ноги на мои белые плечи, но и... нет, почти не дрожащей дланью смахнул это дьяволово видение, переставил джезvu с плиты на стол, поинтересовался:

– Вы, конечно, отказываетесь?

За окном раскаленное небо, прямо плавится от зноя, обнаженные плечи Кристины искрятся, как металл в раскаленном горне, кровь моя снова забурлила, запенилась, стараюсь сломить преграды, воздвигнутые жалкими интеллектом и волей. Лицо ее в тени, но голос прозвучал ворующе-призывно:

– Ох, как вы размечтались, Владимир Юрьевич!.. Я от ваших предложений не откажусь. Все исполню.

Я снял с полки две чашки.

– Я пью с сахаром. А вы?

– Конечно, с сахаром, – ответила она. – А как иначе? Женщина должна быть сладкая.

– Но не до приторности, – буркнул я, и Кристина мгно-

венно посерьезнела, даже фигура как-то сразу стала менее вызывающей. – Сколько ложек?

Она смерила взглядом чашку, а я пью кофе из чайных, в то время как чай – из компотных.

– В такую... три.

Не придется запоминать, подумал я. Я тоже кладу всегда три.

Кристина рассматривала меня серьезно и внимательно.

– Неприятности?

– У меня? – удивился я.

– Мне показалось... что последний звонок вас чем-то расстроил.

Я отмахнулся.

– Ничуть. Просто люди не понимают, что меня нет.

Она вскинула брови, взгляд ее пробежал по мне сверху донизу, потом снизу доверху. Причем она ухитрилась неторопливо раздеть глазами, после паузы снова одеть, лишь тогда поинтересовалась со смешком:

– А что же есть?

– Мои книги, – ответил я.

Она не стала задерживаться, допила кофе, сама ополоснула чашки и моментально исчезла, словно просочилась сквозь стену. Я хотел проводить хотя бы до лифта, но она заявила, что у нас отношения работодателя с нанятым работником, а это не подразумевает, даже напротив – исключает всякие

признаки ухаживания мужчины за ах-ах-ах слабой и беззащитной.

После ее ухода я задвинул засов, обернулся и содрогнулся от вида сразу потускневшей квартиры. Должна бы, наоборот, осветиться: Кристина своей красотой, молодостью, блеском – затмевала, но поди ж ты... Мебель из оранжевой, под цвет Барбоса, стала почти серой, люстра светит тускло, как будто перегорела половина лампочек, по углам сгущаются темные тени, там зло, даже Зло, входы в другие миры. Или выходы.

Как она сказала, зараза, при прощании: «Еще один день оказался напрасной тратой макияжа!...» Так вздохнула, что я чуть было не оставил ее на ночь. Чтоб, значится, расходы на макияж себя оправдали. Хотя не уверен, что она им вообще пользуется. Такую свежую кожу никаким макияжем не сымитируешь!

– «Последняя цитадель», – сказал я громче обычного.

Комп замигал, тут же открыл файл, протестировал, доложил, что хоть шас готов делать с ним, что угодно, хоть стереть. Итак, сказал я себе, вернемся к своим баранам. Или к одному барану, то есть себе. Ишь, слюни распустил, урод. А кто работать за тебя будет? Кто осчастливит человечество шадервом? Пока что умных мыслей – вагон и маленькая тележка, но реализации не видно.

– Спи, Барбос, спи, – сказал я. – Говорят, литераторы больше работают по ночам... Придется проверить, получается ли у этих придурков что-то стоящее...

Буквы никак не желали складываться в слова, а слова в осмысленные фразы: перед глазами все еще стоит Кристина, в черепе звучит ее голос, слышу даже запах ее духов... нет, это аромат ее свежей нежной кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.